

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ

и

РЕЛИГИОЗНОЕ
МНОГООБРАЗИЕ

БРАЙАН Р. УИЛСОН, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ,
ПОЧЁТНЫЙ ПРОФЕССОР

ОКСФОРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
АНГЛИЯ

28 АПРЕЛЯ 1995

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ

и

РЕЛИГИОЗНОЕ
МНОГООБРАЗИЕ

ОПУБЛИКОВАНО ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ РЕЛИГИИ

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ
И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	v
I. Права человека и свобода вероисповедания	1
II. Религиозное разнообразие современности	2
III. Веротерпимость в христианской традиции	3
IV. Культурные ограничения в определении религии	4
V. Современные определения религии	5
VI. Этнически нейтральные определения	5
VII. Внутренняя согласованность веры и практики	6
VIII. Распространённость несогласия	8
IX. Абстрактные определения	9
X. Составляющие элементы современных определений	9
XI. Список вероятных черт религии	11
XII. Религии как исторические явления	13
XIII. Разнообразие и обобщённое описание	14
XIV. Разнообразие религий: Буддизм	15
XV. Буддизм Тхеравады	16
XVI. Разнообразие религий: джайны	19
XVII. Разнообразие религий: Индуизм	19

XVIII.	Индуизм: школа Санкхья	20
XIX.	Разнообразие среди религий: политеизм	21
XIXa.	Различие между религиями: современный пример	22
XX.	Разнообразие в религиозных традициях	24
XXI.	Разнообразие и эволюция религии	24
XXII.	Мнения теологов и религиозные верования	25
XXIII.	Религия и социальные изменения	27
XXIV.	Традиционные секты	29
XXV.	Оппозиция по отношению к новым религиям	30
XXVI.	Типы новых религий	31
XXVII.	Новые мироотвергающие религии	32
XXVIII.	Новые мироутверждающие религии	33
XXIX.	Идеалы и обычаи современных новых религий	34
XXX.	Религия и нравственные принципы	35
XXXI.	Нравственное наследие Христианства	37
XXXII.	На что должна быть похожа религия?	39
XXXIII.	В заключение	41

Опубликовано Институтом изучения американской религии

Директор
Доктор Дж. Гордон Мелтон

Адрес
А/Я 90709
Санта-Барбара, Калифорния 93190-0709
Тел: 805-967-7721 или 805-967-2669
Факс: 805-683-4876

ВВЕДЕНИЕ

ДОКТОР ДЖ. ГОРДОН МЕЛТОН, ДИРЕКТОР

ИНСТИТУТ

ИЗУЧЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Религиозный плюрализм — это замечательный факт религиозной жизни конца XX века. Появившись в XIX веке, религиозный плюрализм достиг своего расцвета в нашем веке как важный компонент всего списка прав и свобод людей. Религиозная свобода — один из лучших показателей того, насколько свободен человек в каждом конкретном обществе.

Развитие религиозного разнообразия было обусловлено тем, что религиозные структуры были отделены от государственного контроля и фаворитизма. С другой стороны, религиозное разнообразие подтолкнуло к появлению нерелигиозных государств, которые в состоянии установить правление закона, будучи той устраняющей разногласия силой, которая позволяет различным религиозным группам сосуществовать друг с другом. В открытом обществе религиозные различия могут предоставить возможности для честного диалога, более уважительного отношения к чьей-либо религиозной жизни и лучшего осознания разнообразности жизни человека, а не служить оправданием жестокости или причиной недопонимания и нерациональной ненависти.

Развитие религиозного плюрализма ускорилось в конце XX века с улучшением средств коммуникации и транспортного сообщения. За последний век всё разнообразие христианских религий было привнесено в традиционные религиозные культуры Африки, Азии и Ближнего Востока. После Второй мировой войны массовая миграция населения на Запад привнесла все мыслимые формы восточных религий в Европу и Северную

Америку. В то же самое время телефон, телевидение и персональный компьютер переместили мудрость, накопленную в различных культурах (включая духовную составляющую) в дома многих людей по всему миру. На сегодняшний день во всех современных городах — от Лондона до Найроби, от Токио до Рио-де-Жанейро — за исключением нескольких регионов, где навязываются законы, затрудняющие религиозную свободу, есть место для значительных групп последователей мировых религий, являющихся религиозными меньшинствами на данной территории.

Развитие религиозного плюрализма уже само по себе заставило нас задуматься о том, какую социальную роль выполняет религия, в особенности о той её якобы неизбежной цементирующей роли, которая объединяет людей одной страны. Нацию может объединить просто общее стремление к свободе и к лучшей жизни, а не нужда в единой культуре и единой религии. Мы уже видели нации, в которых может иметь место гражданское общество и многоконфессиональное окружение. Мы также видели социальные разногласия, возникающие от того, что правительства пытаются внедрить единую религию среди тех, у кого высокие ожидания личной свободы.

В то же самое время наше отношение к новым религиям, основанное по большей части на опыте старых религиозных сообществ, было вынуждено серьёзно измениться, в особенности когда западные официальные религии столкнулись с сильным упадком доверия и преданности со стороны населения. Всего лишь поколение назад мы рассматривали старые религии как некие хранилища проверенных временем истин, которым суждено оставаться неизменными из поколения в поколение, а новые религии рассматривали лишь как мимолётные явления. Последние расценивались как мелкие, поверхностные личные культы, построенные вокруг харизматичных личностей, обречённые исчезнуть вместе с кончиной их основателей. Однако, поскольку новые религии, такие как Бахаи или Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, не только пережили своих основателей, но и превратились в международные религиозные сообщества, привлекающие к себе миллионы верующих, мы наблюдаем тенденцию к созданию новых религиозных форм как часть естественной социальной жизни всех народов. Люди постоянно создают новые формы религиозности, воскрешая жизнь в забытых структурах, разрабатывая личные варианты духовной жизни и основывая религиозные организации. Многие из этих форм стали признанными местными разновидностями более крупных религиозных сообществ, движениями, дающими новую

жизнь прежним течениям, чем-то вроде незаметных личных выражений общественных ритуалов и дополнительными соревнующимися конфессиями и религиозными группами.

В приведённом ниже эссе Брайан Уилсон, признанный специалист в области изучения новых религий, представил ясный и краткий обзор развития толерантного общества и описание природы религиозного разнообразия, возникновение которого непосредственно связано с таким обществом. На Западе рост разнообразия сопровождался переосмыслением бесосновательных претензий на уникальность христианской религии (и отказом от них). Этот процесс во многом диктовался всё большим осознанием мировых религий. В Христианстве многовековые религиозные споры породили тысячи религиозных конфессий и почти бесконечное число идей в области теологии, различных организационных форм, церковных укладов, обрядов и нравственных кодексов. Как только мы начинаем сравнивать Христианство с другими религиями, мы вскоре начинаем понимать, что отличия в учениях и в ритуалах внутри самого Христианства почти столь же велики, сколь и отличия между обрядами и идеями Христианства и других религий.

Как справедливо заметил Уилсон и как многократно подтверждено в суде, основная сложность на пути к религиозной толерантности состоит в том, что нам нужно лучше понимать то явление и те сообщества, что мы можем по праву назвать «религией». Мало кто на сегодняшний день может выслатить индуистские или буддистские группы во тьму внешнюю. Некоторые из вновь появившихся религий вынуждены были доказывать своё право существовать в качестве религий. Новые нетеистические и ориентированные на человека верования наглядно демонстрируют, что религия может существовать и существует даже без признания какого-либо божества или открытой истины.

В завершение Уилсон открыто объясняет, почему наше игнорирование разнообразия религий, которые, вероятно, уже существуют вокруг нас, само по себе огромный барьер к распространению толерантности и расширению религиозной свободы. Мы склонны приветствовать знакомое и находить причины принизить тех, кто занимается чуждыми нам практиками, тех, чью логику мы не понимаем. Нам проще карикатурно изобразить чужую религиозную жизнь, нежели потратить силы и выявить то, что найдёт отклик и понимание.

Поэтому данное эссе было представлено Институтом изучения американской религии как начальный путеводитель в мире религиозных взглядов, окружающем каждого из нас. В нём содержатся крайне необходимые и не содержащие критику инструменты, с помощью которых мы можем начать понимать природу различных религиозных групп и духовных сообществ, даже таких, которые не были упомянуты и не были выделены для обсуждения автором, будь то давно официально признанная религия или новое современное верование.

Дж. ГОРДОН МЕЛТОН

Институт изучения американской религии

Май 1995

Институт изучения американской религии был основан в 1969 году с целью изучения религиозных групп и организаций Северной Америки. В 1990-е годы, когда был достигнут некоторый консенсус по вопросу интеграции наших знаний о новых религиях, сфера деятельности института распространилась на Европу, Африку и Азию. Институт поддерживает Американскую религиозную коллекцию Библиотеки Дэвидсона Калифорнийского университета в Санта-Барбаре и издаёт ряд справочных пособий и монографий, посвящённых различным религиозным группам и явлениям.

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ

и

РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

БРАЙАН Р. УИЛСОН, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ,
ПОЧЁТНЫЙ ПРОФЕССОР
ОКСФОРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
АНГЛИЯ

28 АПРЕЛЯ 1995

І. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

После окончания Второй мировой войны всеобщее право на свободу религии было провозглашено в резолюциях различных международных учреждений, включая Организацию Объединённых Наций и Совет Европы, а также закреплено в Хельсинкском соглашении. Правительствам различных стран было поручено не только прекратить религиозное преследование, если таковое было прежде, но и предпринимать действия по защите свободы вероисповедания, если только религиозные практики конкретного учения или конфессии не нарушают уголовного законодательства страны и свобод других граждан. Однако подобные резолюции не гарантируют полного прекращения всех форм религиозной дискриминации, в частности из-за отсутствия в среде учёных общепринятого определения

слова «религия». Правительства могут по-прежнему отдавать предпочтение одной или более религиям, как можно наблюдать на примере законодательной поддержки конкретных религий в некоторых европейских странах. Такое предпочтение может означать экономические, в частности налоговые послабления конкретным религиям, а также социальные и даже политические привилегии, недоступные представителям других вероисповеданий. Даже когда подобная дискриминация не поддерживается открыто (законом, традициями или судебной практикой), правительство или общество может проявлять более благосклонное отношение к одним типам религиозных объединений, чем к другим. В частности, определённые религиозные организации могут испытывать настороженное отношение со стороны государственных органов или общества, особенно если учения и практики такой религиозной группы непривычны обществу, — непривычны настолько, что на уровне законодательства или общественного мнения они считаются «не совсем религией». Общество, а иногда и власти могут пользоваться стереотипами того, как должна выглядеть религия и как должны вести себя её последователи. В результате может казаться, что объединения, слишком сильно отличающиеся от этой модели (вероятно, построенной неосознанно), не заслуживают распространения на них религиозной терпимости. Они могут оказаться за границами того, что вообще считается религией по мнению общества, или даже столкнуться с обвинениями в том, что их деятельность противоречит закону.

II. РЕЛИГИОЗНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

За последние 50 лет разнообразие религий в западных странах значительно возросло. Появилось большое количество новых религиозных объединений; некоторые религии пришли на Запад из других регионов, преимущественно из стран Востока. Религиозное разнообразие, в прошлом практически полностью сводившееся к вариациям Христианства, теперь стало включать в себя новые понимания духовности и новые движения, имеющие корни в других религиозных традициях. Эти объединения — изначально появившиеся на Западе или привезённые откуда-то ещё — сильно разнятся в своих основных идеях, учениях, практиках и принципах организации и порой абсолютно не похожи на идеи и принципы традиционных религий и конфессий. Однако необходимо отметить, что распространение новых религиозных объединений не связано с призывом международных организаций к свободе вероисповедания. Резолюции международных организаций не имели своей целью добиться терпимости к этим новым религиям. Они были направлены преимущественно на установление свободы вероисповедания в коммунистических странах и мирное сосуществование крупнейших религий в мультикультурных обществах. Появление новых религиозных движений на

Западе в это время было случайным совпадением, и религиозная терпимость, поддерживаемая международными организациями (терпимость, на которую эти движения имеют полное право), не всегда с готовностью распространялась на них.

III. ВЕРОТЕРПИМОСТЬ В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Хотя сегодня христианские конфессии нередко призывают к веротерпимости, следует вспомнить, что традиционно Христианству была свойственна нетерпимость. В отличие от большинства основных религий, Христианство со времён святого Павла было эксклюзивистской религией: она запрещала своим последователям поклоняться другим богам или заниматься иными практиками. Кроме того, христиане были универсалистами, то есть утверждали, что Христианство является единственной истинной религией для всего человечества. Иудеи, также будучи эксклюзивистами, не были при этом универсалистами: Иудаизм обычно не выбирали представители нееврейской национальности. Христианство, напротив, учило, что есть только одно правильное вероисповедание для всех людей без исключения. Это была религия, которую каждый человек мог выбрать добровольно, и *должен* был выбрать. Христиане активно стремились обратить в свою веру больше людей, стараясь убедить их, что все остальные религии — зло, и не признавали других вероисповеданий.

Веками главной миссией Христианской церкви было обращение язычников, в категорию которых попадали все остальные религии. Тех же, кто, познакомившись с «истинной верой», тем или иным образом подвергал сомнению христианское учение, надлежало не только отлучить от церкви, но и казнить (согласно требованию святого Фомы Аквинского).

Нетерпимость Христианства к остальным религиям смягчилась только в эпоху Реформации, да и то лишь постепенно. Ранние проявления веротерпимости в Центральной Европе изначально распространялись только на правителей, а от подданных требовалось принятие его веры — Католичества или Лютеранства — согласно Аугсбургскому религиозному миру и его принципу *cuius regio, eius religio* — «чья страна, того и вера». На территориях, на которые оказала влияние Кальвинистская реформаторская церковь, веротерпимость иногда стала распространяться на кальвинистов, однако течения так называемой «радикальной» Реформации (анабаптисты и гуттериты) и позднее социниане и унитарии продолжали подвергаться преследованиям; атеистов же церковь не терпела вообще, как показывают идеи о терпимости, выдвигаемые даже просвещёнными философами, такими как Джон Локк.

Принципы открытой Библии и всеобщего священства, которые проповедовала Реформация, в конце концов привели к смягчению настроений нетерпимости, существовавших в традиционном Христианстве. Отколовшиеся от церкви группы получили ограниченное право отправлять религиозные обряды в соответствии со своими предпочтениями; самый яркий пример этому — английский свод законов Вильгельма и Марии 1689 года. Однако ограничения продолжали сохраняться на протяжении последующих двух столетий, лишь постепенно ослабевая. Правящие классы Европы постепенно отказались от теории, что сплочённость общества во многом зависит от поддержания религиозного единообразия. Нагляднее всего ситуация была в Америке, где пришлось уживаться вместе народам различных вероисповеданий, среди которых было много беженцев от религиозного преследования в Европе. Лучшей гарантией сплочённости в обществе с таким количеством разных религий было не навязывать одну веру, но утвердить веротерпимость в качестве принципа, главенствующего над учениями и верованиями любой отдельной религии. В противоположность идеям традиционной Европы о необходимости религиозного сдерживания, в Америке стало ясно, что без веротерпимости невозможна целостность общества, для которого уже было свойственно религиозное многообразие. По этой причине в американской практике веротерпимость и свобода вероисповедания укрепились как принципы, стоящие над любой отдельной религией. Само существование светского государства, в котором власти не могли ни устанавливать официальную религию, ни демонстрировать предпочтение какой-либо одной религии перед любой другой, стало первой гарантией религиозных прав.

IV. КУЛЬТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИИ РЕЛИГИИ

Изначально принципы веротерпимости и отказа от дискриминации распространялись на весьма узкий круг религий, включающий только некоторые христианские конфессии и, в меньшей степени, Иудаизм. Концепция того, из чего должна состоять религия, основывалась на этом круге христианско-иудейских течений. Понятие религии как таковой практически отождествлялось с Христианством, а эксперты по религиоведению сами были убеждёнными христианскими теологами. Именно они традиционно давали определения тому, что является религией, и эти определения неизбежно составлялись в исключительно христианских терминах. Определения религии, данные теологами, даже если они и были составлены преимущественно в академических целях, имели влияние в других, более практических сферах, в частности в судебной практике — и нередко приводили к очень несправедливым решениям. К примеру, абсурдный результат

принятого в законодательстве узкого, культурно ограниченного определения религии можно наблюдать в английской судебной практике, где в 1754 году судья лорд Хардвик постановил, что хотя религия — это благородная деятельность, учения Иудаизма благородными не являются, и заключил, что деньги, отведённые неким завещателем на проповедование Иудаизма, следует использовать для обучения Христианству. Для судов того времени понятие «религия» не включало в себя Иудаизм — оно могло означать только Христианство.

V. СОВРЕМЕННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЛИГИИ

Правоведение и теология — это нормативные дисциплины, что означает, что выдвигаемые определения и предположения испытывают влияние той или иной нормативной точки зрения, которой придерживается их автор. Образованность современного мира расширила наше понимание других культур, и стало очевидно, что то или иное течение, по праву относящееся к религии, часто может по многим параметрам (верования, обряды, организация религиозных учреждений) отличаться от Христианства. На фоне этого начался поиск более объёмного определения религии, которое отражало бы понимание того, что другие культуры могут придерживаться иных верований, отправлять иные обряды и поддерживать иные религиозные учреждения, нежели привычные Христианству. И множество наглядных примеров опровергло предположение, выдвигаемое в XIX веке даже уважаемыми академиками, будто у народов кроме христиан, иудеев и мусульман «нет религии».

VI. ЭТНИЧЕСКИ НЕЙТРАЛЬНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Хотя религия сама по себе всегда нормативна, современные специалисты в религиоведении (антропологи, социологи и сравнительные религиоведы) стремятся обсуждать эти нормативы вне зависимости от своих собственных убеждений, учитывая, что каждая религия отлична от других. Современные учёные стремятся сохранять объективность и этический нейтралитет. Однако в полной мере нейтральный подход к изучению религии достигался очень медленно. Некоторые современные исследования в области сравнительной религии всё ещё демонстрируют явные предубеждения. Даже в общественных науках, несомненно призванных проводить беспристрастный анализ, в работах, написанных в годы между Первой и Второй мировыми войнами, очевидны некоторые предубеждения. В частности, нередко воспринималось как должное, что религия претерпела эволюционный процесс, аналогичный процессу биологической эволюции, и что религия развитых наций непременно стоит «выше», чем религии

других народов. Это предположение было с готовностью принято христианскими учёными. Некоторые (в частности, сэр Джеймс Фрейзер) полагали, что религия является эволюционной ступенью между волшебством и наукой.

Сегодня учёные уже более не предполагают, что вера в одно божество в некотором смысле более высшая форма религии, чем вера в нескольких богов или безверие. Следует признать, что религия может постулировать антропоморфного бога, некую другую форму божества, высшее существо, множество духов или предков, универсальный принцип или закон, либо любое отличное выражение конечной веры, как «основание бытия». Эти религиозные понятия, вероятно, будут более абстрактными в более продвинутых культурах и контекстах и не будут рассматриваться в качестве оправдания для обозначения такой религии, как «высшая».

Как только учёным стало известно об эмпирическом разнообразии религии в различных обществах, их представления о том, что является собой религия, были изменены и они всё больше стали обращать внимание на видовые черты, а не общую тождественность и на сходство моделей поведения, а не тождественность фактической сущности. Пришло понимание, что религия не может быть определена в терминах, характерных для одной конкретной традиции. Таким образом конкретные пункты, которые относились к Христианству и на ранних стадиях считались неотъемлемой частью определения религии, стали рассматриваться лишь как примеры того, что такое определение может включать в себя. Детальные перечни таких конкретных элементов были заменены более абстрактными формулировками, охватившими те различные типы верований, обрядов и учреждений, которые — пусть далеко не тождественные по своим свойствам — всё же могли рассматриваться как функциональные эквиваленты. После того как такая концептуализация была разработана, было осознано, что в каждом обществе были убеждения, которые выходили за пределы эмпирической реальности, и что были обряды, предназначенные для приведения людей в контакт или связь со сверхъестественным. В большинстве обществ были люди, которые взяли на себя специальные функции, связанные с этой целью. Вместе эти элементы стали признаваться в качестве составляющих религии, независимо от сущности убеждений, характера реальной практики или официального статуса функционеров, предоставляющих такие услуги.

VII. ВНУТРЕННЯЯ СОГЛАСОВАННОСТЬ ВЕРЫ И ПРАКТИКИ

Пришлось также осознать, что религии были далеко не всегда внутренне непротиворечивыми. Даже в относительно небольших племенных обществах часто встречаются

обряды и мифы значительной сложности, которые зачастую не представляют собой одну последовательную, внутренне интегрированную и согласованную систему. Религия претерпевает изменения, и, по мере того как общество входит в контакт с соседями или переживает вторжения других народов, мифы и ритуалы обретают новые элементы и подробности. Различные обряды и верования могут относиться к различным ситуациям либо иметь различную необходимость (например, для вызова дождя, чтобы обеспечить богатый урожай, плодовитость у животных и женщин, чтобы заручиться защитой; чтобы укрепить союзы; для инициаций разных возрастных групп и т.д.). Все эти действия обращены к сверхъестественным силам (чаще определённым), и они признаются учёными как религиозные. В технологически более развитых обществах своды религиозных верований и обрядов, как правило, более детально сформулированы и демонстрируют большую внутреннюю последовательность и стабильность, но даже в развитых системах сохраняются элементы многообразия. Ни одна теологическая система или совокупность верований, относящихся к сверхъестественному, ни в одной из великих мировых религий не является полностью последовательной. Есть всегда необъяснимые остатки, а иногда и открытые противоречия. В большинстве обществ, если и не во всех, среди широких масс сохраняются наслоения ранних религиозных ориентиров, такие как народные религиозные элементы. Вытесняемые религиозные системы часто оставляют свои следы на системах, которые приходят им на смену. Таким образом, практика приношения жертв и организации священных шествий, характерных для языческих культов в Римской империи, привела к христианским ритуалам, так же как различные ранние ближневосточные мифы имеют свой отголосок в христианском учении. В римские времена языческие божества были слегка изменены и стали восприниматься как христианские святые, а не так давно аналогичный процесс произошёл в Латинской Америке. Помимо этих посторонних элементов, оставшихся от народной религии, священные писания всех основных религий обнаруживают внутренние противоречия и несоответствия. Природа религии такова, что часто возникает двусмысленность: религиозный язык не претендует на звание научного, порой он стремится быть поэтичным, вызывающим воспоминания, иногда эмоциональным, а не сугубо когнитивным. Такой язык часто может быть двояко интерпретирован, воспринят буквально, аллегорически, образно или символически, таким образом, вызывая различный отклик. Эти и другие источники вызывают разногласия среди специалистов в области религии, которые избирают различные и временами непримиримые схемы и принципы толкования спорных мест, что даёт начало различным традициям даже в пределах того, что широко признано ортодоксальностью. Эти разногласия впоследствии превращаются в источник религиозного многообразия: другая религия возникает из обдуманного несогласия.

VIII. РАСПРОСТРАНЁННОСТЬ НЕСОГЛАСИЯ

Обычным явлением было не только развитие различных школ в рамках господствующей традиции (в развитых обществах), но и намеренное и сознательное инакомыслие вразрез с ортодоксальностью. Христиане, иудеи и мусульмане делятся на ортодоксов (все их школы) и инакомыслящие группы, которые следуют иным моделям религиозной практики, принимают отличающиеся убеждения, а также создают свои собственные отдельные учреждения. Несогласие наиболее заметно в контексте, где преобладает религиозная исключительность: то есть когда от лица, принимающего одну религию, требуется отказ от принадлежности ко всем остальным — шаблон приверженности, строго необходимый в христианской традиции. Поскольку некоторые европейские правительства перестали прописывать конкретные формы религии для своих подданных и, по крайней мере формально, прекратили в некоторой степени отдавать дискриминационные предпочтения одной религии относительно другой, ситуация в этих странах приблизилась к той, что преобладает в Соединённых Штатах. Таким образом возникла ситуация, обозначенная как «религиозный плюрализм». Формальное равенство религий в рамках данного общества (равенство, как часто говорят, перед законом) не может скрыть тот факт, что дискриминация в том или ином виде всё же нередко имеет место. В Англии множество законов охраняют превосходство Англиканской церкви, — церкви, установленной законом, мирским главой которой является монарх. Ряд англиканских епископов сидят по закону в верхней палате законодательного органа и епископские назначения производятся премьер-министром — вот некоторые из признаков льготного режима. В других европейских странах применяются различные дискриминационные меры по отношению к инакомыслящим группам или новым религиозным организациям в пользу одной или нескольких традиционных церквей. Свобода религиозной практики в Европе — в общем и целом — существует, но различные религиозные организации по-прежнему испытывают дифференцированный подход со стороны государства и часто должны бороться с враждебными СМИ, которые работают над поддержанием подозрения в обществе ко всему, что является непривычным в религии. Такой дифференцированный режим и связанная с ним враждебность возникают частично от сохранения нормативной приверженности большинства из тех, кто традиционно — в качестве «экспертов» — даёт определения религии и составляет описания её особенностей. Во всех обществах существует наследование языка в области религии, который несёт на себе отпечаток религиозной приверженности. Ранние определения и описания основ религии часто используют термины, заимствованные из религиозных традиций тех, кто их сформулировал. Согласно мнениям обществоведов, использование терминов, свойственных одной религии,

искажает описание других религий и часто может включать в себя ложные предположения об их характере. Представления, развившиеся в рамках одной культурной и религиозной традиции, будут искажать функционально эквивалентные, но формально отличные элементы в традиции другой религии. Примерами такого ненадлежащего использования являются выражения «Буддийская церковь», «Мусульманское духовенство» или (применительно к Троице) «Христианские боги». Сами термины «церковь» и «священство» несут мощные специфические культурные и структурные коннотации, и явления, к которым они применяются, во многом отличаются от функциональных эквивалентов в других религиозных системах. Интеллектуальные, идеологические, нравственные и организационные особенности, которые характеризуют их, являются специфическими для христианской традиции, и использование этих терминов ведёт к путанице, неправильным представлениям и ложным ожиданиям от других религий и, как следствие, к подозрениям и, вероятно, враждебности.

IX. АБСТРАКТНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Если государство должно предоставить религиям равные возможности, необходимо принять абстрактные окончательные термины, чтобы охватить всё многообразие религиозных явлений. Использование абстрактного понятийного аппарата, который можно назвать «клиническим» в том смысле, что он не загромождён никакими традициями и устоявшимися представлениями ни одной религии, безусловно, не сможет охватить все характерные черты, присущие какой-либо конкретной религии. Он не опишет в полной мере ни когнитивного, ни эмоционального аспектов веры, ритуала, символики и учреждений. Такой общественно-научный подход делает возможным объективное сравнение, анализ и объяснение, но не передаёт и не претендует передать всё существо внутреннего значения или эмоциональную привлекательность той или иной религии для её последователей.

X. СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОВРЕМЕННЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Нет ни одного окончательного определения религии, которое было бы принято всеми учёными, но ряд элементов, изложенных в достаточно абстрактных терминах, часто используется в различных комбинациях в качестве характерных черт религии. Они включают в себя верования, обряды, взаимосвязи и учреждения, имеющие отношение к:

- а) сверхъестественным силам, способностям, существам или целям;
- б) фундаментальным проблемам человека;

- в) священным предметам (выделенным или запрещённым вещам) духовной привязанности;
- г) силе, контролирующей судьбу человека;
- д) основе бытия;
- е) источнику трансцендентального знания и мудрости;
- ж) коллективному характеру духовной жизни.

Последствия и функции религии определяются как:

- а) присвоение группе и/или индивидууму своеобразия;
- б) создание основы для ориентации;
- в) содействие созданию человеко-ориентированного смысла бытия;
- г) обеспечение уверенности в возможности помощи и спасения и комфорта в связи с этим;
- д) примирение между людьми и поддержание нравственного сообщества.

В то время как эти функции будут в целом приняты учёными как характеризующие большинство религий, если не все религии, они могут оказаться слишком широкими, чтобы их можно было без проблем применить в практической сфере, когда, например, современные правительства или судебные органы сталкиваются с задачей применения соответствующих критериев к той или иной из многих, весьма разнообразных, новых или недавно импортированных религий, которые в настоящее время имеют приверженцев в западных обществах. Для этого может быть необходим более совершенный свод признаков, охватывающий категории, каждая из которых представлена не как непереносимое условие религии, а как особенности, которые часто можно найти в эмпирических свидетельствах о любой группе, претендующей на статус религии для себя. В таком случае эти особенности следует рассматривать, как мы уже указывали, в качестве «видовых черт». И тогда каждый пункт должен рассматриваться как нечто, что, *вероятно*, проявляется в религии, но не должно предполагаться, что он *обязан* присутствовать в каком-либо движении или в какой-либо системе идей, чтобы они могли расцениваться в качестве религии.

XI. СПИСОК ВЕРОЯТНЫХ ЧЕРТ РЕЛИГИИ

Далее приводится список качеств, которые, вероятно, будут обнаружены в каком бы то ни было движении (организации или системе учений), которое может считаться религией. Не все эти качества обычно обнаруживаются в каждом случае, и можно решить, в каком соотношении они должны присутствовать, чтобы та или иная система верований и практик имела право на религиозный статус. Принимая во внимание очень длительный период истории человечества, в течение которого возникали религии, данный список неизбежно отражает разнообразные тенденции, которые передают различные степени сложности религиозных идей, от очень специфичных квазимагических направлений, с одной стороны, до относительно абстрактных, с другой стороны, или, если можно так выразиться, бесплотных концепций основных религиозных вопросов и объектов. Вполне естественно, что, даже принимая во внимание внутреннее многообразие и отличия в широте познаний приверженцев, ни одна религия, по-видимому, не может охватить оба эти направления в равной мере, если вообще их возможно охватить. Следовательно, должно быть очевидно, что ни одна религия не способна соответствовать всем вероятным чертам религии из данного списка. Вероятные особенности религии таковы:

- 1) вера в силу (или силы), которые выходят за пределы нормального чувственного восприятия и могут даже включать в себя целый постулированный духовный порядок бытия;
- 2) вера в то, что такие силы не только влияют на природу и общественное устройство, но и напрямую воздействуют на них и, возможно, даже создали их;
- 3) вера в то, что в какие-то моменты прошлого происходили явные вмешательства сверхъестественного в дела людей;
- 4) вера в то, что сверхъестественные силы управляли человеческой историей и судьбой: когда эти силы изображаются антропоморфно, их обычно наделяют определёнными целями;
- 5) поддержание веры в то, что судьба человека в этой и в загробной жизни (или жизнях) зависит от отношений, установленных с этими трансцендентальными силами, или проходит в соответствии с ними;

- 6) часто (но не всегда) встречающаяся вера в то, что, хотя трансцендентальные силы могут произвольно диктовать судьбу индивидуума, этот индивидуум, ведя себя предписанным образом, может влиять на свой жизненный путь либо в этой жизни, либо в будущей жизни (жизнях), либо и в той, и в другой;
- 7) существуют чётко установленные действия для индивидуального, группового или представительского исполнения, а именно ритуалы;
- 8) существуют элементы умиловляющего действия, с помощью которых индивидуумы или группы могут просить сверхъестественные силы об особой помощи;
- 9) восхваление, преданность, благодарность, почтение или повиновение выражаются верующими, а в некоторых случаях требуются от них обычно в присутствии символических образов сверхъестественного объекта (объектов) веры; такие проявления отношения представляют собой поклонение;
- 10) язык, объекты, места, величественные здания, а также периоды времени, которые особым образом отождествляются со сверхъестественным, становятся священными и сами могут стать объектами почтения;
- 11) регулярное исполнение ритуалов или церемоний, выражения преданности, празднования, посты, массовые покаяния, паломничество и воссоздание реальных событий прошлого или празднования, связанные с эпизодами земной жизни божеств, пророков или великих учителей;
- 12) отправление церковных обрядов и разъяснение учений вызывают у приверженцев религии ощущение единой группы и чувства доброжелательности, товарищества и общности;
- 13) нравственные нормы часто предписываются верующим, хотя рамки их различны: они могут быть изложены законническим и ритуалистическим языком или они могут быть составлены в соответствии с духом менее специфичной, высшей этики;
- 14) серьёзность намерения, неустанная преданность и приверженность в течение всей жизни являются обычными требованиями;

- 15) своим поведением верующие накапливают благие дела или грехи, за которые они затем получают воздаяния. Точная связь между действием и его следствием варьируется от автоматических последствий данных причин до веры в то, что личные грехи могут быть искуплены благочестивыми и ритуальными действиями, исповедью и раскаянием или особым заступничеством сверхъестественных сил;
- 16) существование особого класса религиозных должностных лиц, служащих хранителями священных объектов, священных писаний и мест; специалистов по учению, ритуалам и пастырскому руководству;
- 17) услуги таких специалистов обычно оплачиваются, будь то за счёт приношений, вознаграждений за отдельные услуги или посредством установленного жалования;
- 18) когда специалисты посвящают себя систематизации учения, обычно они заявляют, что религиозное знание даёт решение всех проблем и объясняет значение и цель жизни, часто включая предполагаемые объяснения происхождения и устройства физической вселенной и человеческой психологии;
- 19) обоснование религиозного знания и практики даётся со ссылкой на откровения свыше и традиции: новшества обычно объясняются восстановлением утраченного; и
- 20) утверждения об истинности учения и действенности ритуала не подвергаются эмпирическому испытанию, так как цели в конечном счёте трансцендентальны, а вера требуется как для целей, так и для произвольно выбираемых средств, рекомендуемых для их достижения.

ХII. РЕЛИГИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Приведённый выше список сформулирован в относительно обобщённых, абстрактных терминах, но реальные религии представляют собой исторические явления, а не логически построенные системы. Они охватывают совершенно различные принципы организации, кодексы поведения и системы веры, сложившиеся в различные исторические эпохи, каждая из которых — в рамках одной и той же широкой религиозной традиции — характеризовалась особыми и подчас исключаящими друг друга

представлениями о религиозности. В рамках одной религии отличающиеся друг от друга доктрины или толкования ритуальных практик часто признаются одновременно приверженцами с различным уровнем посвящённости. Одни и те же элементы веры или поклонения одними могут рассматриваться как символические, а другими — как могущественные, при этом обе точки зрения примиряются в религиозных системах, в которых происходила не столько замена одной противоречивой идеи другой, сколько историческое наложение идей и толкований. С течением времени может произойти единение расходящихся путей поклонения и постижения веры, но случится ли это, будет зависеть, вероятно, от авторитета и эффективности руководства, а также от модели организации. Такое разнообразие внутри конкретной религиозной традиции усугубляет более широкую картину различий между основными религиозными традициями и их бесчисленными вариантами, которые появились с течением времени. При составлении приведённого выше списка делалась попытка применить достаточно широкие критерии, чтобы учесть последствия развития религии, используя более точные, конкретные, даже квазимагические элементы, которые продолжают существовать на определённых уровнях даже внутри религиозных систем, которые выражали и обосновывали свои верования и деятельность при помощи сложных, абстрактных понятий. Некоторые религии, развившиеся совсем недавно, возможно, в большой мере или даже полностью избежали влияния примитивных представлений, продолжающих существовать внутри других религий, и могут вследствие этого не соответствовать тому или иному критерию списка (который неизбежно включает в себя свойства, встречающиеся преимущественно в древних религиозных системах и не всегда сохраняющиеся в ходе их развития). Таким образом, исторический и эволюционный характер религиозной мысли и практики предполагает, что лишь немногие (если такие вообще есть) религии обладают в равной степени всеми признаками из списка, который призван охватить всё разнообразие такого явления, как религия.

ХIII. РАЗНООБРАЗИЕ И ОБОБЩЁННОЕ ОПИСАНИЕ

Из сказанного выше следует, что зачастую нелегко дать обобщённое описание религии: хотя существование явления, с лёгкостью названное «религией», не вызывает сомнений, нужно признать, что существуют значительные различия по многим моментам среди многочисленных отдельных представителей этого явления. На Западе люди, которые беспокоятся о религии, нередко являются жертвами (часто не сознавая этого) предрассудков, берущих своё начало в христианских традициях. Когда же такие предрассудки отброшены, становится очевидным, что многие конкретные свойства, которые, исходя

из христианской модели, считались бы непременным условием религии, на самом деле не встречаются в других системах верований. Поэтому в приведённом выше списке избегаются ссылки на высшее существо, так как для тхеравадских буддистов (и многих махаянских буддистов) это понятие не имеет смысла. Поклонение, о котором упоминалось выше, имеет совершенно различный смысл для буддистов и для заимствовавших его христиан, но даже внутри Христианства среди таких конфессий, как католики, кальвинисты, приверженцы Христианской науки и Свидетели Иеговы, существуют огромные различия в представлениях о поклонении. В этом списке не делается особого акцента на идеи, которые имели большое значение для истории Христианства, но гораздо меньшее значение — для многих других религий, в которых ортопраксия (правильное поведение) часто имела большее значение, чем ортодоксия (правильная вера). Нет упоминания и о душе (центральной идее ортодоксального Христианства), поскольку понятие души несколько спорно в Иудаизме и явно отвергается некоторыми отколовшимися христианскими движениями (например, адвентистами седьмого дня и свидетелями Иеговы — а каждое из этих течений имеет миллионы приверженцев по всему миру — и христадельфианами, а также теми пуританами, включая Джона Мильтона, которые были известны как моралисты, т.е. верующие, отрицающие существование бессмертной души). Не упоминается в списке и об аде, так как это ещё один элемент, которого нет в Иудаизме. Абстрактная идея жизни после смерти выражается с помощью существительных как в единственном, так и во множественном числе для того, чтобы согласовать две различные христианские идеи, а именно — переселения душ и воскрешения тела, а также несколько различные представления о реинкарнации в Буддизме и Индуизме. Таким образом, список составлен не только для того, чтобы указать на высоком уровне абстракции элементы религии, но и для того, чтобы облегчить с его помощью распознавание вопросов, характерных для религии.

XIV. РАЗНООБРАЗИЕ РЕЛИГИЙ: БУДДИЗМ

Буддизм является основным примером религии, которая бросает вызов негласному допущению, что религия обязательно должна быть монотеистической. Буддизм не является монотеистическим религиозным учением, и даже в тех ответвлениях Буддизма, в которых есть чёткое следование идее о том, что сам Будда является спасителем, например в сектах Японии дзёдо-сю и дзёдо-синсю (Буддизма Чистой Земли), эта система взглядов не провозглашает Будду богом-создателем. В целом Буддизм не отрицает существования и деятельности множества богов, и, хотя в некоторых буддийских сектах они могут быть объектом почитания и испуления, в целом им не отводится

существенная роль в буддийских учениях. Напротив, они, как и люди, подчиняются законам кармы и реинкарнации. Чтобы наглядно показать характер Буддизма, далее приводится краткий обзор учений Буддизма Тхеравады, — Буддизма Шри-Ланки, Бирмы, Таиланда и Камбоджи, который западные учёные обычно рассматривают как старейшую традицию.

XV. БУДДИЗМ ТХЕРАВАДЫ

Буддизм больше интересуется человеком, чем материальным миром. Считается, что воспринимаемый чувствами мир не имеет сущности и постоянно движется и изменяется. Сам человек столь же непостоянен, как и материальный мир. Он не является самим собой и не содержит своего «я», но представляет собой набор явлений, а его тело является частью неустойчивого мира. Человек — это объединение последовательностей умственных и физических явлений, которые всё время растворяются и распадаются. Он представляет собой пять способов «схватывания» (понимания): тело, восприятие, познание, умственные явления и сознание. Он подвержен циклу становления и ухода (самсара). Его состояние — это страдание, и оно характеризует всё бытие. Страдание вызывается вожделением и удовольствием, и освободить человека от страдания — стремление всех буддийских учений. Всё подвержено циклу рождения и смерти. Считается, что люди снова рождаются на ином уровне иерархически организованных царств: как боги, как люди, как духи, как животные или в аду (и иногда — на шестом уровне — как демоны). Из всех этих состояний освобождения легче всего достичь человеку, хоть и в весьма небольшой степени. Животные слишком бестолковы, чтобы стремиться к освобождению, а боги — слишком высокомерны.

Закон кармы действует как нейтральный неподкупный процесс, в соответствии с которым прошлые дела становятся причиной, определяющей те последствия, которые случаются в следующих жизнях. Таким образом, считается, что испытываемое в сегодняшней жизни состояние обусловлено прошлыми делами. Хотя карма не определяет всё полностью, высокий социальный статус, обстоятельства и физическая внешность определяются кармой. Тем не менее существует свобода действий, и мотивы действий — так же как и сами действия — влияют на карму. Хорошие поступки совершаются, чтобы улучшить перспективы в следующих жизнях. Вера в новое рождение в последующих жизнях не подразумевает, однако, веры в душу, поскольку не считается, что человек имеет продолжающееся духовное существование. Каждая жизнь — это толчок к следующему рождению. Таким образом, существует

«обусловленное происхождение», и жизни подобны звеньям причинной цепи. Каждая жизнь обусловлена предшествующими жизнями и зависит от них подобно тому, как одно пламя зажигают от другого.

Идея греха как преступления против Бога — что является центральной темой в христианской схеме спасения и проклятия — также отсутствует в Буддизме. Скорее, существуют благотворные действия, которые ведут к освобождению от цепи новых рождений и страдания, и неблаготворные действия, уводящие от освобождения. Человек замкнут в систему повторяющихся рождений из-за своих страстных желаний. Удовольствие, вожделение, восхищение, привязанность, стремление быть или разрушать — всё это неизбежно приводит к страданию. Освобождение от привязанности и страстного желания вызывает прекращение страдания. Такое освобождение от цепи новых рождений достигается в нирване (прекращении страстных желаний), и достичь этого можно только через просветление. Те, кто к нему стремятся, раньше или позже его достигнут, тем самым изгнав своё неведение. Каждый человек должен сам для себя достичь полного просветления, которое приносит нирвану. И хотя ему можно помогать наставлениями, он тем не менее должен сам пройти этот путь. В противоположность учению ортодоксального Христианства, в Буддизме Тхеравады считается, что нет такого небесного существа, которое могло бы вступить за верующего или оказать ему помощь в его стремлении к спасению, и что спасения нельзя достичь молитвами. Сама нирвана не является небытием, как это иногда изображают христиане; на неё смотрят как на состояние блаженства, бессмертия, чистоты, истины и вечного мира, что достигается истреблением всех страстей. Она является достижением отсутствия самости.

Практические шаги к достижению освобождения состоят в продвижении по восьмеричному пути правильного воззрения, правильного намерения, правильной речи, правильного поведения, правильного образа жизни, правильного усилия, правильного осознания и правильного сосредоточения (медитации). Всем этим заповедям нужно следовать одновременно. Если человек этого не делает, он не совершает грех упущения — он просто не действует в соответствии с интересами своего просветления. Последователи этого учения также приносят клятву соблюдать десять запретов, отказаться от десяти уз, которые связывают человека с его «Я», и отказаться от запрещённых аморальных действий. Однако упор делается на деятельную любовь и доброту, а не просто на поддержание канонов морали. Вся суть религиозной практики состоит в том, чтобы преодолеть страдание, преодолевая заблуждения своего «я», и тем самым пресечь цикл перерождений и трансмиграции.

Как и другие древние религии, Буддизм впитал в себя остатки народных религиозных верований тех регионов, откуда он произошёл, и одним из таких «осадков», который можно найти как в формальном корпусе древнего учения, так и в реальной практике современных буддистов Тхеравады, является принятие идеи существования богов. Эти существа не рассматриваются как объект поклонения, не играют никакой особой роли и вообще находятся на периферии центральных тем буддийской доктрины спасения, продолжая существовать просто как остатки или отложения других религиозных традиций, которые вмещает в себя и терпит практикующий Буддизм.

Наконец, стоит заметить, что в Буддизме не существует традиционной приходской организации. У монахов нет пасторских обязанностей. Хотя в последние десятилетия некоторые монахи иногда принимают на себя задачи обучения или трудятся на благо социального благополучия, традиционно они в основном, если не исключительно, заботятся о своём собственном спасении, а не об услугах для общины или о пасторской заботе для мирян. Они предоставляют мирянам возможность творить добро и тем самым создавать хорошую карму исключительно тем, что дают мирянам возможность делать пожертвования монахам, пополняя чашу для сбора подаяний, которую каждый монах носит с собой и которая символизирует их бедность и денежную зависимость.

Данный обзор учения Буддизма Тхеравады делает очевидным разительный контраст между этой религией и Христианством. Не существует бога-создателя, и поэтому богослужение радикально отличается от того, которое преобладает в христианских церквях. Нет понятия первородного греха, идеи личного спасения или божественного вмешательства. Отсутствует идея бессмертной души и непрерывности сознания, а нирвана и бесконечные перерождения резко контрастируют с традиционной христианской идеей неземного блаженства или вечного наказания. Не существует дуализма плоти и духа. И не менее важно то, что представление об истории не носит тот линейный характер, который можно найти в схеме Христианства: первозданное блаженство, грехопадение, искупительная жертва божества, всемирный апокалипсис и в конце концов вознесение спасённой элиты на божественные небеса. Циклическая схема перерождений является тем базовым представлением, которое оказывает глубокое влияние на другие аспекты буддийского миропонимания и которое отличается от западных понятий времени, прогресса, работы и материальных достижений. Хотя в прошлом Буддизм осуждался как атеистическая система, рассматривающая беспристрастный закон как высшую силу вселенной, и как система, далёкая от традиционного устоявшегося на Западе

представления о том, какой должна быть «настоящая религия», тем не менее сегодня Буддизм признан во всём мире как религия.

XVI. РАЗНООБРАЗИЕ РЕЛИГИЙ: ДЖАЙНЫ

Не менее радикальный вызов узким западным представлениям о том, что составляет религию, бросает джайнизм, признанная религия Индии и одна из тех, которые обычно включают в список (обычно одиннадцати) великих религий. Сэр Чарльз Элиот писал о нём: «Джайнизм носит атеистический характер, и этот атеизм, как правило, не обсуждается и не оспаривается, а принимается как естественная религиозная позиция». Джайны, однако, не отрицают существования *дэвов* (божеств), но считается, что эти существа, как и люди, подлежат законам трансмиграции и разрушения и не определяют судьбу человека. Джайны верят, что души индивидуальны и бессмертны. Они не являются частью всемирной души. Души и материя не создаются и не разрушаются. Спасения можно достичь освобождением души от посторонних (кармических) элементов, которые тянут душу вниз. Эти элементы попадают в душу, когда человек действует на основании эмоций. Подобные действия приводят к тому, что при повторном рождении человек рождается животным или неодушевлённым веществом; достойные поступки приводят к рождению в виде божества — *дэва*. Гнев, гордость, обман (ложь) и жадность — главные препятствия к освобождению души, но человек, поддаваясь или сопротивляясь им, — хозяин своей судьбы. Подавляя себя и не нанося вреда никому, даже вредным насекомым, и ведя аскетическую жизнь, он может достичь рождения в качестве *дэва*. Правила морали для благочестивого верующего — быть бескорыстно добрым; радоваться благополучию других; стараться помочь другим, когда те страдают и расстраиваются; проявлять сострадание к преступникам. Подавление и смирение себя приводят к уничтожению уже накопленной кармы. Джайнизм исповедует аскетическую этику, но этот аскетизм отличается от аскетизма в христианской традиции, будучи одновременно более пассивным и более фаталистическим.

XVII. РАЗНООБРАЗИЕ РЕЛИГИЙ: ИНДУИЗМ

Индуизм — это ещё одна религия, которая в своём чрезвычайном разнообразии не соответствует монотеистическим критериям религии, как она существует во многих западных странах. Индуизм в его классической форме можно характеризовать как форму недуалистического пантеизма, в которой Брахман является абсолютной, но безличной божественной сущностью, духом, который присущ всем существам.

Брахман рассматривается как стоящий выше добра и зла. Его представляют не столько как создателя, сколько как вездесущую всепроникающую силу, из которой всё происходит и к которой всё возвращается. Он не только присутствует во всех вещах — он и есть все вещи. Освобождённая душа сливается с ним воедино и понимает, что ничего более не существует. Однако такая форма божества далека от той концепции божественной сущности, которую можно найти в христианском монотеизме. Более того, наряду с Брахманом встречаются другие множественные божества, которые, изменяясь и трансформируясь из одного в другое, демонстрируют политеистические аспекты Индуизма. Учитывая терпимость Индуизма к положениям и суждениям, которые — с точки зрения западной логики — обладают внутренними противоречиями, невозможно утверждать, является ли Индуизм пантеистическим или политеистическим, — он явно является и тем, и другим. В любом случае, он не проходит проверку на монотеистическую систему, в которой постулируется бог-создатель, дуалистическая космология и необходимость явного поклонения этому богу — таковы те устоявшиеся представления о том, какой должна быть религия, которые могут быть выдвинуты людьми, знакомыми только с иудео-христианско-исламскими традициями.

XVIII. ИНДУИЗМ: ШКОЛА САНКХЬЯ

Индуизм — это религия с огромным внутренним разнообразием. Шесть древних и дивергентных философских школ признаны ортодоксальными. Одна из них, Санкхья, не является ни теистической, ни пантеистической. Как и Джайнизм, Санкхья учит, что изначальная материя и единичная душа существуют извечно и нерушимы. Душа потенциально может быть освобождена знанием правды о Вселенной и собственными усилиями. В некоторых текстах Санкхья отрицает существование субъективного верховного божества, и в любом случае, любая концепция божества считается излишней и потенциально внутренне противоречивой, так как карма управляет делами людскими вплоть до того момента, когда люди сами могут решить, что им стоит искать освобождения. Как и Буддизм, Санкхья имеет четыре аналогичные цели: знать страдание, от которого человек должен освободиться; добиться прекращения страдания; воспринимать причину страдания (неспособность различать душу и материю); и изучить смысл освобождения, а именно, дифференцировать знания. Как и другие школы, Санкхья учит кармическому принципу: второе рождение является следствием чьих-то действий, и спасение — это избавление от круговорота перерождений.

Санкхья дуалистична по своей природе. Это не христианский дуализм добра и зла, а радикальное различие между душой и материей. Обе существуют извечно и являются

бесконечно существующими элементами. Мир является результатом эволюции материи. Душа, однако, неизменна. Душа страдает, потому что находится в плену материи, плен этот, однако, иллюзорен. Как только душа осознаёт, что она не является частью материального мира, мир перестаёт существовать для этой конкретной души, и она освобождается. Согласно теории Санкхьи, материя претерпевает эволюцию, растворение и состояние покоя. По мере эволюции, материя вырабатывает интеллект, индивидуальность, чувства, нравственный характер, волю и принципы, которые переживают смерть и которые подвергаются переселению. Будучи связанным с душой, физический организм становится живым существом. Только благодаря этой связи сознание реализуется: ни материя сама по себе, ни душа сама по себе не являются сознательными. Несмотря на то, что душа — это оживляющий элемент, сама она не является той жизнью, которая заканчивается смертью, или же той жизнью, которая передаётся от одного существования к другому. Хотя сама по себе она не действует и не страдает, душа отражает страдание так же, как даёт отражение зеркало. Это не интеллект, а бесконечное и бесстрастное бытие. Души бесчисленны и отличаются друг от друга. Целью души является освобождение из плена иллюзий. После освобождения состояние души эквивалентно нирване в Буддизме. Такое освобождение может произойти до смерти, и задача освобождённой души заключается в том, чтобы учить других. После смерти есть возможность полного освобождения без угрозы возрождения.

Санкхья не возражает против веры в широко известных божеств, но они не являются частью её рабочей системы. Это знание о вселенной, которая даёт спасение. В этом смысле контроль страстей, а не нравственное поведение, занимает центральное место. Добрые дела могут дать лишь более низкую форму счастья. Жертвы тоже неэффективны. Приписывание морали более низкой ценности по сравнению со знанием и пренебрежение добрыми делами явно отличаются от требований Христианства и представляют собой другую форму религиозности. Ни этика, ни ритуалы не имеют большого значения в системе школы Санкхьи. Здесь тоже совершенно очевиден резкий контраст с Христианством, в котором этика и ритуалы являются, хоть и в разной степени в разных конфессиях, жизненно важными частями всей системы убеждений и вероисповедания.

XIX. РАЗНООБРАЗИЕ СРЕДИ РЕЛИГИЙ: ПОЛИТЕИЗМ

Из приведённых выше примеров систем религиозных верований очевидно, что вера в высшее существо является неполноценным критерием религии. Несмотря на ещё сохраняющиеся застарелые предубеждения некоторых христианских комментаторов,

под этим готово подписаться большинство специалистов по сравнительному религиоведению и социологов. Несмотря на отсутствие какой-либо концепции высшего божества или бога-создателя, Буддизму, Джайнизму или Индуизму не может быть отказано в статусе религии. Если эти примеры пантеистических и атеистических, но тем не менее бесспорно религиозных верований, представляют контраст с христианскими идеями о религии, то же самое относится и к политеистическим верованиям — даже при том, что они представлены не в такой чётко организованной или последовательной форме. Примером тому является Даосизм, который в настоящее время в целом рассматривается как религия в учебниках по сравнительному религиоведению. В отличие от описанных выше религий Даосизм опирается на поклонение природе, мистику, фатализм, политический квиетизм, магию и культ предков. На протяжении столетий он был официально признан в Китае в качестве государственной религии — с храмами, культом и духовенством. Он включает в себя представления о сверхъестественных существах, в том числе о Нефритовом императоре, Лао-Цзы, Лин-Бо (предводителе сверхъестественных существ) и Восьми Бессмертных китайского фольклора и — среди бесконечного числа духов — о Владыке города и Владыке очага. В Даосизме, однако, не существует верховного существа, бога-спасителя, как в Христианстве, и нет чётко выраженной теологии и космологии. Пример Даосизма иллюстрирует, что религии не возникают сразу же в полной мере развитыми системами верований, практик и организаций. Они проходят процессы эволюции во всех этих аспектах и иногда начинают включать в себя элементы, противоречащие более ранним представлениям. Наслоения мифов, ритуалов и изменения в организации — нормальное явление в истории религии, и некоторые из новых элементов порой лишь частично ассимилированы и далеко не всегда оказываются совместимы друг с другом.

ХІХА. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ РЕЛИГИЯМИ: СОВРЕМЕННЫЙ ПРИМЕР

Многообразие концепций божественности, поклонения, спасения и других религиозных тем становится ещё более очевидным, когда выходит за рамки основных древних религиозных традиций и касается современных. Новые религиозные движения не только многочисленны, но и весьма разнообразны. Некоторые берут начало в христианских традициях; иные из них имеют восточные корни; другие стремятся реанимировать мистические традиции; а некоторые включают в себя метафизику спиритического учения «Новый век». В качестве примера — просто чтобы подчеркнуть диапазон выражений религиозности — мы можем рассмотреть одну конкретную новую

религию, которая отличается от всех других, — Саентологию. В некоторых аспектах Саентология напоминает Буддизм, Джайнизм и традицию Санкхьи в Индуизме, но базовым элементом, на котором покоится её учение о спасении, являются практические и систематично применяемые терапевтические методы. Она предлагает своим приверженцам ступенчатый путь духовного просветления. Она утверждает, что в состоянии освободить своих приверженцев от бремени неблагоприятных последствий прошлых травм, независимо от того, когда они были пережиты — в данной жизни или в прошлых. Она свободна от догм, и в тоже время в абстрактных терминах, таких как «восьмая динамика», Саентология признаёт высшее существо, но даже не пытается описать его атрибуты. Это существо не является объектом молитвы или набожности. Человек считается духовным существом, *тэтаном*, который занимает материальные человеческие тела в следующих одна за другой жизнях. Несмотря на то, что тэтан не часть физической вселенной, он тесно сплетён с ней и в процессе своего существования получает реактивный ум, который реагирует иррационально и эмоционально по отношению ко всему, что напоминает болезненные и травмирующие переживания. Спасение — это процесс, с помощью которого реактивный ум уменьшается и в конце концов устраняется, что позволяет человеку жить, используя весь свой потенциал. Таким образом, в то время как в буддийском кармическом порядке вещей забытые прошлые дела безоговорочно определяют нынешний жизненный опыт, методы Саентологии существуют для того, чтобы помочь человеку вспомнить неблагоприятные события прошлого, посмотреть им в лицо и преодолеть их губительные последствия. Конечная цель тэтана заключается в том, чтобы существовать вне физической сферы и тела — условие, которое аналогично христианской концепции сохранения души, хотя и достигается за счёт совершенно иных процедур и выражается в совершенно иных словах.

Саентология коренным образом отличается от христианских и буддийских подходов к спасению: она заявляет, что стандартизировала и рационализировала методы, ведущие к спасению. Она применяет современные технические методы для достижения духовных целей в попытке ввести определённую и прагматически оправданную систему в духовные упражнения. Возникнув в тот период, когда светское общество всё более доминирует над наукой, Саентология также привержена идее, что человек должен мыслить рационально и контролировать свои тревожные эмоции для достижения духовного просветления и спасения. Она представляет собой важное направление в современном многообразии религиозного выражения в нашей плюралистической религиозной культуре.

XX. РАЗНООБРАЗИЕ В РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Разнообразие среди религий дополняется разнообразием *внутри* религий, и это происходит даже в рамках подлинно ортодоксальной традиции, то есть без учёта различных проявлений инакомыслия, на которые мы уже имели возможность сослаться. Следует признать, что единообразие — это не то, что более всего необходимо религии. Даже Христианство, которое по сравнению с любой другой религией пользуется гораздо более систематически структурированными моделями как в доктринах, так и в организации, тем не менее сохраняет неточные формулировки доктрины, двусмысленности, несогласованности и даже прямые противоречия. В самом деле, традиционный религиозный язык и у христиан не всегда стремился устранить неясности, а иногда даже предпринимал попытки сохранить их. Функция языка в подобном случае не просто — и не обязательно в первую очередь — состоит в назывании объектов. У него есть не менее важные функции: вызывать эмоциональный отклик и устанавливать ценности и предрасположенность. Когнитивное, эмоциональное и оценочное в нём так неразрывно переплетено, что это довольно чуждо научно-информированному образу мышления. Вследствие этой многофункциональности языку религии, если смотреть на него с научной или криминалистической точек зрения, часто не хватает ясности, чёткости и конкретики. Это можно считать нормальным для религии — даже при том, что, как в случае с Христианством, столетиями затрачивались огромные интеллектуальные усилия, чтобы последовательно и ясно сформулировать религиозные доктрины.

XXI. РАЗНООБРАЗИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИИ

Развитие религий способствует в какой-то мере разнообразию внутри ортодоксальной традиции. Такая эволюция наглядно проявляется в иудео-христианских писаниях, и без признания этого процесса трудно совместить мстительное племенное божество в записях Ветхого Завета древних израильтян с гораздо более духовной и вселенской сущностью в трудах более поздних пророков и в Новом Завете. Попытки сделать совместимыми эти расходящиеся описания божества породили споры внутри и между церквями и движениями, а также среди богословов. Основные положения христианских богословов неуклонно меняются в течение многих столетий, но речь не идёт ни о каком консенсусе между ними, в то время как среди христиан-мирян можно обнаружить куда более широкие и разнообразные мнения относительно всех основ веры. Некоторые из этих мнений были более широко приняты в прошлые века, и то, что они сохраняются среди рядовых прихожан, делает очевидной требование признать такое явление, как эволюция религии, если есть необходимость понять разнообразие

в пределах одной ортодоксальной традиции. Чтобы не быть голословными, скажем, что наиболее либеральные, величающие себя «просвещёнными» христиане, сегодня уже не верят ни в ад, ни в дьявола, но в то же время есть многие христиане, которые всё ещё верят в них, и это не только те, кого принято называть «фундаменталистами». Или, например, в восемнадцатом и девятнадцатом веках большинство христиан открыто признавали, что верят в буквальное воскрешение тела, но сегодня только меньшинство ортодоксальных верующих готовы поддержать этот элемент веры. И вот ещё: христиане в течение многих столетий спорили о предсказанном времени начала тысячелетнего царства Христа: будет ли оно предшествовать второму пришествию или последует ему, в то время как многие, по всей видимости, уже оставили эту идею вообще.

XXII. МНЕНИЯ ТЕОЛОГОВ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Если терпимость к различным религиям и возрастала, то одним из факторов, который — возможно, случайно — привёл к тому, что стало трудно не воздерживаться от терпимости к другим, послужило растущее расхождение между убеждениями теологов и некоторых наиболее преданных мирян, номинально относящихся к тому же вероисповеданию. Часть мирян продолжает утверждать боговдохновенность Священного Писания вплоть до последней его буквы, в то время как другие, не столь уверенные в словесной боговдохновенности, верят тем не менее в достоверность тех идей, которые, в их понимании, выражает Библия. Духовенство, хотя оно и менее отдалено от рядовых верующих, нежели академические учёные и профессиональные теологи, сегодня тоже часто отвергает главные догматы веры. В последние несколько десятилетий некоторые англиканские епископы откровенно не соглашались с такими основными элементами христианской веры, как непорочное зачатие, воскрешение Иисуса и второе пришествие. Некоторые прихожане этой деноминации были глубоко расстроены и шокированы подобными заявлениями. Теологи пошли ещё дальше: некоторые из них оспаривают существование верховного существа в том виде, в котором об этом традиционно заявляет Христианская церковь. Эта современная точка зрения широко обсуждается некоторыми из наиболее выдающихся и признанных современных теологов; его можно найти в работах Дитриха Бонхёффера и Пауля Тиллиха, но лучше всего оно представлено в своём самом популярном и влиятельном выражении Дж. А. Т. Робинсоном, епископом Вулиджским. В 1963 году епископ обобщил идеи этого направления христианского мышления в своём бестселлере «Быть честным перед Богом». Он привёл аргументы в пользу отказа от идеи Бога как личности, существующей «где-то там», и бросил вызов идее «христианского теизма» в целом. Он цитирует Бонхёффера:

«Человек научился справляться со всеми важными вопросами, не обращаясь к Богу как к работающей гипотезе. В вопросах, касающихся науки, искусства и даже этики, это стало данностью, которую более не смеют опровергать. Но на протяжении последних ста лет или около того это стало верно и применительно к вопросам религии: становится очевидно, что всё, как и ранее, движется без “Бога”» (стр. 36).

Из Тиллиха епископ цитирует следующее:

«Имя этой безграничной и нескончаемой глубины и основания всего сущего — Бог. Эта глубина и есть то, что означает слово Бог. Если это слово не имеет для вас большого смысла, переведите его, говорите о глубине вашей жизни, об источнике вашего существования, о вашей высшей заботе, о том, к чему вы относитесь серьёзно безо всяких оговорок... Тот, кто понимает глубину, понимает Бога» (стр. 22).

От себя епископ заявляет:

«...Как говорит он (Тиллих), теизм, как его обычно понимают, “превратил Бога в небесную абсолютно совершенную личность, которая руководит миром и человечеством” (стр. 39)... Я убеждён, что Тиллих прав, когда он говорит, что протест атеизма против такой высокопоставленной совершенной личности правилен» (стр. 41).

«Придёт время, когда наши старания убедить людей в существовании Бога “где-то там”, — Бога, которого они должны призывать, чтобы привести в порядок свою жизнь, будут не более успешными, чем попытки заставить их серьёзно относиться к олимпийским богам» (стр. 43). «Сказать, что “Бог — это личность”, — значит сказать, что личность имеет *величайшее* значение в создании и устройстве вселенной и что в личностных отношениях мы как нигде затрагиваем окончательный смысл существования» (стр. 48–49).

Различая реальность и существование, как это делают теологи, епископ утверждал, что в конце концов Бог реален, но он не обладает существованием, поскольку существовать — это обладать конечными физическими измерениями в пространстве и времени и быть частью вселенной.

Оспаривалась не только идея верховного существа, но и традиционное понимание Иисуса. Переосмысление Нового Завета и личности Иисуса также имело место в мышлении передовых теологов двадцатого века. В 1906 году Альберт Швейцер опубликовал работу, название которой в английском переводе звучало «Поиски исторического Иисуса», в которой он описал Иисуса как еврейского пророка со слегка ошибочными идеями, человека, который в большой степени является продуктом своего времени. Более радикальная критическая «демифологизация» была предпринята Рудольфом Бультманом, который, начиная с 1940-х, продемонстрировал, насколько сильно евангелия подверглись влиянию мифов, существовавших во время их написания. Затем он продемонстрировал, как мало из евангельских концепций приемлемо для человека двадцатого века. Евангельское послание Нового завета человечеству он воспринимал весьма в духе немецкой экзистенциалистской философии: Христианство стало руководством по морали в жизни человека, но как учение о божественном создании и божественном управлении миром, с его точки зрения, оно более не пользуется доверием. Труд Бульмана вызвал новые сомнения по поводу традиционного заявления, что Иисус — это Бог во плоти, и тем самым бросил тень сомнения на все христологические учения церкви. Исторический релятивизм такого подхода нашёл новое выражение в работе под названием «Миф о воплощённом Боге» (под редакцией профессора Джона Хика), опубликованной в 1977 году, в которой многие наиболее выдающиеся теологи англиканской церкви оспаривали традиционный взгляд на отношение Бога к человеку, Иисусу, принятый на Халкидонском соборе (451 год н.э.). Современным теологам сложно поверить, что Бог стал человеком — как этому на протяжении предшествующих пятнадцати столетий учила Христианская церковь.

Эти различные направления теологических дискуссий — обдуманый отказ от концепции Бога как личности; отказ от теизма; новый акцент на относительность Библии; вызов принятым концепциям о природе Христа и его отношении к божественной сущности — всё это сильный отход от принятого понимания Христианства и от веры большинства мирян. Так что мнения о природе религии, исходящие даже из христианских источников, сегодня ставят под сомнение всецело христианские критерии, по которым раньше определялась религия.

XXIII. РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Учитывая возрастающее требование изменений в современном обществе, было бы удивительно, если бы какие-либо основные социальные институты не затронули

последствия этого процесса. Хотя религия имеет твёрдые позиции в сфере добровольной социальной деятельности, она определённо отреагировала на этот процесс, что проявилось во всё более разнообразных её формах и в изменении рода её занятий. По мере того как население западного мира становится всё более образованным, современные религии всё менее склонны выделять конкретные аспекты буквальных исторических эпизодов религиозной истории и если они вообще их упоминают, то описывают как поэтические или символические метафоры. Даже в традиционных направлениях Христианства всё меньший упор делается на доктринах, касающихся Бога, создания, греха, вочеловечения, спасения или проклятия, а всё больший упор делается на разнообразных проблемах и нуждах. С практической точки зрения эти вопросы, особенно в основных деноминациях Христианства, связаны с пасторскими услугами, которые начали развиваться с середины девятнадцатого века и сегодня проявляются в многочисленных новых формах услуг, предоставляемых специализированным пасторским духовенством. Священники на предприятиях (включая позднее запрещённое церковью движение священников-рабочих), работа в больницах и тюрьмах, специальные виды консультационных услуг супругам, христианская терапия и целительство, реабилитация нарко- и алкогольной зависимости, помощь с сексуальными проблемами и отношением к работе — всё это повседневные показатели наличия разнообразных практических проблем, которые стимулируют современные религиозные и духовные устремления. В плане теории к ним добавляется возобновление поддержки этики личной ответственности, озабоченность социальной справедливостью, поиск самореализации и лучших возможностей и применение религии в качестве источника положительного мышления.

Подобная новая ориентация нашла выражение как в ортодоксальных, так и в несогласных с ними христианских направлениях, но, кроме того, в западном обществе произошло кое-что ещё: в нём распространились не только некоторые из основных религий Востока, которые изначально были привнесены главным образом иммигрантами, но и движения, производные от этих религий; и некоторые из этих движений были специально приспособлены по форме и выражению к тому, чтобы взывать к западной аудитории. В дополнение к ним существуют движения, которые предположительно основываются на древнем язычестве; есть также и те, кто использует в качестве источника своего вдохновения эклектический набор мистических традиций. Другие движения пытаются оживить и распространить практику оккультных искусств. Ко всему этому разнообразию необходимо добавить новые религии, которые в некоторой степени разделяют научную ориентацию современного общества и используют свой научный подход для целей, которые можно описать исключительно как духовные. На заднем фоне существуют ещё и более традиционные христианские

секты, некоторые из которых в своё время вызывали озабоченность у ортодоксальных христиан и иногда — враждебность у властей, но к которым сегодня в силу необходимости относятся всё более и более терпимо и которые признаются как часть современной религиозной мозаики общества. То, что они уже не вызывают столь живого внимания и сильного беспокойства, отражает тот факт, что в контексте религиозного разнообразия сегодняшнего дня они более не кажутся столь странными или столь отклоняющимися от традиций, как ранее.

XXIV. ТРАДИЦИОННЫЕ СЕКТЫ

Строго говоря, чтобы движение считалось сектой, оно должно включать «отделившихся верующих», а именно лиц, которые в силу различия доктрин, практик или организации являются раскольниками по отношению к основному направлению церкви (церквей), главные традиции которой они в основном признают. Именно это признание и уменьшение со временем значимости их отличий позволило некоторым из тех, что ранее считались сектами, позднее получить более высокий статус и начать считаться деноминациями. Деноминации обычно относятся друг к другу с почётом и уважением. Их признают таковыми, когда проблемы, по поводу которых существовала напряжённость в обществе (а эта напряжённость — типичное обстоятельство для появления движений, которые называют сектами) разрешаются или рассеиваются. Так баптисты, «Ученики Христа», «Церковь Назарянина» и (в некоторых отношениях) даже методисты — все они являются примером превращения сект в деноминации. Постепенное признание статуса деноминации конкретного движения также указывает на рост терпимости в широком обществе по мере того, как — шаг за шагом — испытываемые этими движениями законодательные ограничения (в Европе) и социальное осуждение в конце концов ослаблялись.

Однако не все секты перерастают в деноминации, и многое зависит от обстоятельств их происхождения и типа их ориентации по отношению к тому миру, который определяет характер их учения. Такие секты, как Свидетели Иеговы и христадельфиане, которые основным центром внимания своих верований сделали раннее второе пришествие, скорее всего останутся в статусе сект и в напряжённых отношениях с широким обществом, особенно если они будут продолжать это активно проповедовать. Существуют ещё такие секты, как Закрытые (плимутские) братья, которые (хотя они также поддерживают идею раннего возвращения Христа) озаботились главным образом уходом из большого общества, рассматриваемое как скверное по своей сути, в свою собственную, исключаящую других общину. Напряжённость, существующая между подобными

сектами и властями и временами между сектами и обществом, обычно концентрируется не на каких-либо вопросах уголовного права, а на отказе членов сект выполнять гражданские обязанности, обычно требуемые от граждан. Например, они обычно отказываются из религиозных соображений от военной службы или, как в некоторых сектах, просят освобождения от выполнения функций присяжных, или отказываются от членства в профсоюзах в тех странах (Великобритания и Швеция), где в некоторых видах промышленности это членство является действительно обязательным или практически обязательным. Со временем в одной стране за другой такие религиозные права постепенно были предоставлены, как, например, право Свидетелей Иеговы в США не салютовать национальному флагу или не участвовать в пении национального гимна на школьных собраниях или на других общественных мероприятиях. Христианские секты, в этих и подобных случаях, часто боролись и выигрывали дела в национальных и даже иногда в международных судах; поступая таким образом, они расширили область религиозной свободы. Но, как и те секты, которые постепенно повысили свой статус до деноминаций, они часто — особенно в самые ранние дни своего существования — подвергались преследованию, дискриминации, травле и притеснению.

XXV. Оппозиция по отношению к новым религиям

Возможно, из-за того что те, кто стоит у власти и пользуется авторитетом, как и общество в целом, часто придерживались узкого определения религии в соответствии со знакомой моделью нормативных традиций ортодоксального Христианства, новые религии на протяжении долгой истории подвергались яростному противодействию. Разумеется, тоже самое происходило и при становлении Христианства. Во времена Рима христиане сами подвергались всё ещё звучащим сегодня обвинениям: утверждалось, что христиане якобы разрушают семьи; их обвиняли в корыстных мотивах; говорили, что они участвуют в сексуальных оргиях; утверждали, что они пытаются просочиться в элитарное общество ради достижения своих зловещих политических целей. Замкнутый, исключаяющий посторонних характер Христианства притягивал подобные обвинения, но та же самая черта — наряду с проповедническим рвением — сделала само Христианство организацией, ни с чем не сравнимой по религиозной нетерпимости, которая в некоторых странах и в большей или меньшей степени сохранилась до сегодняшнего дня. Так в Англии семнадцатого века квакеры испытали жёсткое преследование властей; многие из квакеров были заключены в тюрьму только потому, что открыто и чистосердечно признавали свои религиозные убеждения. Методисты, когда в Англии восемнадцатого века они были новой религией, подвергались нападению толпы; их избивали, и некоторые из их молитвенных домов

были снесены — иногда при попустительстве или даже подстрекательстве местных властей. В конце девятнадцатого века во время беспорядков, объектом которых была Армия спасения, в Англии были убиты несколько её членов, в то время как в Швейцарии их публично обвиняли в обмане и финансовой эксплуатации; подобным обвинениям подвергались мормоны в Скандинавии, которых иногда сажали в тюрьму, когда они пытались привлечь новых членов. История сохранила свидетельства противодействия новым формам религиозного и духовного выражения даже в наиболее демократических и по идее более терпимых странах западного мира. С этими историческими фактами резко контрастируют недавние резолюции международных агентств, требующие, чтобы государства проявляли и поддерживали религиозную терпимость.

XXVI. ТИПЫ НОВЫХ РЕЛИГИЙ

Хотя обычно положение таково, что бóльшую враждебность вызывают еретики-сектанты, чем те, с кем не разделяют или никогда не разделяли никакой общей веры, и особенно достаётся больше бывшим собратьям по вере, от неё отколовшимся, современное общество тем не менее проявляет значительную и упорную нетерпимость к некоторым новым религиям, возникшим после Второй мировой войны. В то время как некоторые из этих религий можно сгруппировать по «видовым чертам», среди других наблюдаются радикальные различия. Социологи пытались установить некоторые широкие категории, причём не на основе разделяемых этими религиями учений, а на основе сходства целей, посылок и взглядов, которых придерживаются различные движения. Они установили упрощённое и широкое различие между движениями, которые они описывают как «мироутверждающие», и теми, которые являются «мироотвергающими». Мироутверждающие движения — это те, которые положительно относятся к существующей светской культуре и которые предлагают своим приверженцам в перспективе не только духовную благодать, но и материальные и душевные блага посредством эмоциональной стабильности, терапии, роста способностей и социального и — возможно — материального успеха. Мироотвергающие движения, напротив, стараются, считая это полезным, отдалить своих членов от любого участия в жизни внешнего общества и в светской культуре и предлагают в перспективе награду или в виде отстранённой от мира общины, или в виде загробной жизни (жизней), или и того и другого. Эти широкие категории, разумеется, не отдают должное тонкостям теории или практики какого-либо движения, но они делают очевидным базовое разделение на два направления ориентации нескольких сотен новых религиозных групп, которые существуют в сегодняшних западных обществах.

Эти две основные ориентации не являются новыми в истории религии, как очевидно даже из беглого знакомства с целыми магическими системами, с одной стороны, и с аскетической мироотвергающей этикой средневекового Католицизма или — в другой форме — Кальвинизма семнадцатого века, с другой. Обе ориентации можно найти в основном направлении современного Христианства, хотя в последнее время мироотвержение уступает более сильному течению мироутверждающих целей. Однако несмотря на то, что иногда они разделяют ориентацию с установившимися религиями, новые движения обеих тенденций в последние десятилетия подвергаются противодействию, враждебности, притеснению и травле и даже преследованию. И вот почему. В одном случае — они часто очень радикально отличаются по своей организации, приверженности к монотеизму, характеру практик поклонения и некоторым другим вещам, и их с лёгкостью обвиняют, в частности, в том, что они вообще не являются религиями; в другом случае — их религия побуждает своих последователей отстраниться от участия в обычных светских делах или побуждает их участвовать в эзотерическом мистицизме, и на них часто смотрят как на врагов общества.

XXVII. НОВЫЕ МИРООТВЕРГАЮЩИЕ РЕЛИГИИ

Новые движения, которые отвергают мир, являются в основном, но не исключительно вариантами или производными Индуизма или Буддизма, в которых обычно преобладает такая ориентация. Некоторые, хотя и не все, фундаменталистские христианские формирования так же действуют в рамках кредо, в котором преобладает отвержение мира. Последователи этих религий обычно отклоняют современные материальные западные ценности. Они могут вести общинный или даже коммунальный образ жизни, и приверженцы новых религий, имеющих восточное происхождение, обычно следуют представлениям, чуждым западному миру. В некоторых случаях они могут даже изучить восточный язык для отправления религиозных обрядов и отказаться от западной морали и условностей в пользу других табу и запретов, влияющих на сексуальную жизнь, правила общения, диету и даже манеру одеваться. Международное общество сознания Кришны (движение Харе Кришна) является, возможно, наиболее ярким движением такого типа, но некоторые из таких же нравов можно найти в Миссии божественного света и даже в Церкви объединения (мунисты), хотя она и заявляет о принадлежности к Христианству.

Некоторые мироотвергающие движения склоняются — в духе подобной ориентации — к «тотализму», то есть к тому, чтобы их последователи полностью отдали себя своей

вере и целиком себя ей посвятили, организуя все области своей жизни в соответствии с той верой, которую они исповедуют. Разумеется, этого проще всего достичь, если от последователей данного движения ожидается, что они будут вести общинный образ жизни. Во многих отношениях такое требование весьма сходно с тем, что требовалось от членов монашеских орденов, будь они христианскими или буддистскими. Существуют мироотвергающие религии, которые не идут столь далеко, чтобы пропагандировать полный уход из большого общества, который достигается общинной жизнью. Эти движения обычно предоставляют исчерпывающую и зачастую сложную метафизическую систему, в которой их приверженцам предлагается находить мудрёные ответы, касающиеся конечного смысла и цели жизни. Зачастую более продвинутые уровни метафизических учений хранятся в секрете или являются доступными только для адептов. Среди религий такого рода — теософия, антропософия и гурджиевизм. Их мистический уклон, однако, не всегда исключает действия во имя социального блага, даже если в них очевиден элемент отстранения от общества. Красноречивым примером являются школы для детей-инвалидов, поддерживаемые антропософами.

XXVIII. НОВЫЕ МИРОУТВЕРЖДАЮЩИЕ РЕЛИГИИ

Мироутверждающие религии встречаются с нетерпимостью, даже невзирая на то, что они в целом склонны одобрять просвещённые светские ценности. Несмотря на их в целом положительное отношение к миру, они могут считать своей миссией продвижение изменений в обществе, особенно в таких областях жизни, как здравоохранение, образование и религиозная свобода, составляющих центр их собственных отличительных ценностей. Ключевым моментом противодействия, которое они встречают, является то, что такой тип религии заявляет о себе как о достаточном средстве реализации тех благ, которые связаны с каждодневным преуспеванием в области здоровья, компетентности, эффективности в работе, в области практической смётки и, возможно, даже в области благосостояния — в общем, с лучшим образом жизни в мире. Люди традиционных взглядов считают подобные вещи слишком обыденными, не подходящими для того, чтобы о них заботилась религия — отсюда обвинение этих движений в том, что они «вообще не религии». Эти религии, как правило, отказываются от традиционных и эмоциональных аспектов главных направлений Христианства. Для них характерен более системный и рациональный подход к духовному, и они усматривают связь между духовными знаниями и каждодневным улучшением состояния дел человека. Разумеется, будучи разными религиями, они используют разные техники для высвобождения духовной энергии и объясняют свой успех разными

терминами, ссылаясь на свой собственный набор доктрин. Но социологически — и определённо с точки зрения религиозной свободы и прав человека — эти религии предлагают людям чёткую интерпретацию жизни и духа. Они обычно предоставляют практическую поддержку, предлагая методы достижения более высоких духовных состояний, в результате чего достигаются каждодневные душевные и материальные блага. Некоторые из ранних образцов мироутверждающих религий использовали христианский подход, предлагая свою ориентацию — например, Христианская наука и разные направления Нового мышления, такие как Единство и Божественная наука. Более поздние религии, которые мы можем считать мироутверждающими, не исходят из христианской традиции. В их число можно включить Саентологию, в то время как в других случаях мироутверждающие религии произошли из восточных религий, как, например, в случае с Сока Гаккай (Нитирен-Буддизм) и с Трансцендентальными медитациями Махариши.

XXIX. ИДЕАЛЫ И ОБЫЧАИ СОВРЕМЕННЫХ НОВЫХ РЕЛИГИЙ

В последние десятилетия возросло число как мироутверждающих, так и мироотвергающих религий (а также других религий, которые сложнее описать в столь широких дихотомических категориях). Мироотвергающие религии возникли в качестве протеста против того, что они были склонны воспринимать как рост материализма, потребительства и гедонизма западного общества. Некоторые из них обязаны своей ориентацией аскетической традиции Христианства; для других близкой оказалась озабоченность состоянием окружающей среды; ещё некоторые использовали ту же атмосферу настроений, из которой в 1960-х годах выросла культура «хиппи». Напротив, религии мироутверждающей ориентации сильно связаны с современной светской культурой и с некоторыми из изменившихся взглядов и норм, которые характерны для Христианства двадцатого века. Поскольку религия отошла от озабоченности загробной жизнью, которая была в центре внимания Христианства в предыдущие столетия, новые религиозные движения также стали делать упор на спасение в этом мире и в этой жизни. Улучшение жизни, стремление к счастью, реализация человеческого потенциала стали уважаемыми и широко признанными целями, и неудивительно, что новые религии их исповедуют. В мире нехватки, катастроф, голода и низкого уровня технологии религиозный аскетизм был подходящей моралью. Он восполнял нужды группы производителей, которым нужно было соглашаться с тяжёлой работой и низкой оплатой и вознаграждение которых необходимо было отсрочить (зачастую — до гипотетической загробной жизни), чтобы могло происходить накопление капитала.

Но в обществе, ориентированном на потребление, в котором технология создала повышенные ожидания доступного богатства и привилегий, аскетическая мораль противоречила бы необходимости побуждать людей тратить деньги, искать развлечений и материального благополучия, чтобы поддерживать и стимулировать экономику. И как только традиционный аскетизм Христианства вышел из моды, ориентации новых образцов религиозной духовности стали отражать новые социальные идеалы. Современная разменная монета гедонистических ценностей в светском обществе всё более отражается даже в основных направлениях религии. За Христианской наукой, стоящей вне основного направления и пропагандирующей оптимизм и подчёркивание неограниченных привилегий, последовала пропаганда — среди основных деноминаций — положительного мышления Норманом Винсентом Пилом, протестантом, архиепископом Фултоном Шином, католиком, и раввином Джошуа Либманом. В последние десятилетия развилась Теология процветания, которая придала законный характер тем привилегиям, которых христиане должны ожидать от исполненной молитв религии. Психологические техники повышенного самоконтроля, самоосознания, самосовершенствования, улучшения жизни и большие возможности для духовного обогащения стали частью репертуара многих религиозных движений по мере того, как общество отошло от одобрения нагруженных грехом теологий, которые когда-то были центральной темой учения Христианства.

XXX. РЕЛИГИЯ И ПРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ

Некоторые новые религии, приняв современные идеалы общества потребления и признав стремление к счастью в этой жизни законной и даже похвальной целью для человечества, установили соответственно иные отношения между духовной жизнью и нравственными предписаниями. Это одна из тех граней изменений в религии, с которой властям и большей части населения, до сих пор затянутым в дыру времени традиционной христианской морали, всё ещё предстоит примириться. Однако должно быть очевидно, что различные религии сохраняют очень различное отношение к правилам поведения. Религии в значительной степени отличаются по характеру предписываемых ими нравственных правил, по тому, насколько энергично и настойчиво они требуют их соблюдения и насколько строги санкции за их нарушение. В ортодоксальном Иудаизме правила регулируют порядок проведения ритуалов и многие факторы обыденной жизни, которые обычно не регулируются, например, в христианской традиции. В Исламе религиозные правила затрагивают различные ситуации и предоставляют систему законодательных норм для общества, устанавливая иногда

более, а иногда менее строгий социальный контроль, чем тот, который мы находим в Христианстве. Так, с одной стороны, к Корану обращаются, чтобы сохранять суровые наказания за преступления, предусмотренные законами Шариата, а с другой стороны, Коран предоставляет достаточную свободу для мужчин, которые могут иметь до четырёх жён, и ту лёгкость, с которой они могут развестись.

В Буддизме Тхеравады контрасты ещё больше. В нём существуют подробные предписания для монахов, в то время как миряне довольствуются всего несколькими общими правилами. Долг мирянина-буддиста — не убивать, не воровать, не лгать, не совершать неправомерных сексуальных действий и не пить опьяняющих напитков. Помимо этого Будда предложил нравственные советы, касающиеся домашних обязанностей, поведения по отношению к друзьям и заботы о супруге, но это просто призывы к, так сказать, здравому смыслу. Человека убеждают быть рассудительным и осторожным, бережливым, трудолюбивым, хорошо относиться к слугам, выбирать таких друзей, которые будут удерживать его ото зла и побуждать его к правильному поведению. Этим добродетелям нужно, однако, следовать в собственных интересах ради просветления; они не подразумевают концепцию греха, которая проповедуется Христианством. Пренебрежение этими добродетелями не навлекает каких-либо наказаний, разве что даёт плохую карму. Сама религия не предписывает никаких других санкций, и в ней нет гневливого божества. Поскольку действия определяют статус в каких-то будущих реинкарнациях, желательно совершать добрые поступки, которые соответствуют восьмеричному пути просветления, поскольку они приведут к новому рождению в лучших обстоятельствах и — предположительно — к выходу за пределы цикла рождений и обретению нирваны. Таким образом, хотя Буддизм определённо говорит об этических ценностях, человеку оставляют значительную свободу поведения, его поведение не подвергается нравственной цензуре и ему не угрожают, чтобы заставить следовать морали, как это делают в Христианстве. В других обществах нравственные нормы не имеют чётких религиозных корней: например, конфуцианская этика и законы самураев, вполне возможно, повлияли на мораль японского общества в такой же или даже в большей степени, чем различные школы Буддизма Махаяны, действующие в Японии. Отсюда следует вывод, что не существует *стандартных* отношений между системой религиозных доктрин и нравственными кодексами. Связь религии и морали в Христианстве, механизмы, с помощью которых оно внедряет нравственное поведение, и последствия, предсказываемые Христианством в случае нарушения правил морали, — это лишь одна из моделей взаимоотношений, не типичная для других религиозных систем; не нужно предполагать, как это делали иногда в обществах,

исповедующих Христианство, что это необходимая или наилучшая модель, согласно которой следует судить о других системах.

XXXI. НРАВСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ХРИСТИАНСТВА

Роль нравственных учений традиционного Христианства резко контрастирует с тем, что мы находим в других религиях. В различные уровни этических предписаний включён подробный кодекс запретов, нарушение которых осуждается как грех. К тем основным заповедям раннего Иудаизма относительно наиболее серьёзных нарушений, которые являются общими для нескольких религиозных традиций, в Христианстве были добавлены предписания более детального характера, особенно в отношении сексуальности, идущие как от Иисуса, так и от Павла. Существовали также наставления о совершенстве, которые, вероятно, невыполнимы («Поэтому будьте совершенны», и более конкретно: требования, чтобы человек любил врагов своих, прощал других «до семижды семьдесят раз», подставлял другую щёку, не заботился о завтрашнем дне и т.п.). Понятие греха стало центральным в моральном кодексе Христианства. Считалось, что человек по природе своей грешен и большинство его естественных желаний, его поиск вознаграждения, самореализации, радости и даже улучшения жизни в этом мире сразу же объявлялись грешными или ведущими к греху. От этой присущей человеку греховности его могут избавить только примерная добродетель и сверхчеловеческая жертва Христа. Поэтому у него долг перед Христом, который он не сможет в полной мере отдать, чего бы он ни делал. Как грешник — даже если он каётся и получает искупление от Христа, — он будет нести постоянную ношу вины. Вина на самом деле была тем механизмом, который поддерживал всю систему морали. Введение тайной исповеди, разработка детальной процедуры епитимии и позднее, в средневековье, введение понятия Чистилища — всё это свидетельства того, как серьёзно и сурово церковь рассматривала грех и как далеко она зашла, чтобы внушать чувство вины. Периодические всплески самобичевания в Средние века показывают, как глубоко это чувство вины проникло в сознание наиболее набожных мирян. Даже сегодня самобичевание далеко не редкость в некоторых организациях Римско-католической церкви. Решительно выступая против греха, Католическая церковь тем не менее признавала моральную неустойчивость человеческой природы и сделала ей уступку, введя институт исповеди, чтобы немного облегчить чувство вины. Протестантизм, напротив, отказался от такого механизма, став — особенно в своём кальвинистском выражении — более подавляющей системой, требовавшей, чтобы те, кто надеется на богоизбрание, не грешили вообще. Стремлению усилить страдания грешников

в Кальвинизме приписывают разработку такой системы теологии и доктрины спасения, которая привела к более интенсивной интернализации нравственного контроля и к более совершенным способам формирования совести.

Усиленное внимание Христианства к греху начало в значительной степени ослабевать только в девятнадцатом веке. На протяжении этого столетия христианская озабоченность адом и вечными муками неизменно ослабевала, однако к этому времени светская нравственность и требования светских приличий обрели самостоятельное влияние на общественную жизнь. В двадцатом веке суровые требования морали предшествующего периода постоянно смягчались до тех пор, пока в 1960-е годы прежние моральные ограничения, особенно в области сексуального поведения, не уступили место моральной вседозволенности. Этому процессу, возможно, способствовало развитие способов контроля за рождаемостью и то, что во многих других областях жизни люди перестали зависеть от моральных ограничений и стали полагаться на технологический контроль. Таким образом очевидно, что постулируемая модель взаимосвязи религии и нравственности была далеко не постоянной — даже применительно к Христианству. И такая степень разнообразия связана не только с изменениями, происходившими со временем. Это можно продемонстрировать на примерах современных деноминаций. Взгляды на мораль среди сегодняшних евангелистов таковы, что те продолжают выказывать сильную озабоченность человеческим грехом во многих областях, но сама идея греха почти устарела среди либеральных церковников, многие из которых приписывают ответственность за ошибочное поведение людей недостаткам социальных систем. Некоторые из таких либеральных церковников полностью отклоняют притязания абсолютного морального кодекса, предпочитая пользоваться ситуационной этикой, смысл которой зачастую входит в прямое противоречие с общепринятыми христианскими моральными предписаниями. Ещё одно, совершенно отличное отношение, принято Христианской наукой, где грех рассматривается просто как ошибка, происходящая из неверной оценки реальности, и где, как считается, он — как и болезнь — может быть устранён сменой материального способа мышления на духовный. При таком разнообразии понятий греха и весьма различных комплексах моральных норм в современном Христианстве понятно, что нет смысла ожидать, что в нравственных предписаниях новых религий будут отражены те, которые якобы сходны с предписаниями христианских церквей. Новые религии возникли в эпоху, которая значительно отличается от той, когда появились и были сформированы христианские деноминации. Само общество совершенно иное, а его социальная, экономическая и — более всего — технологическая среда подвержены

глубокому и всё ускоряющемуся изменению. То, что людям известно и чего они хотят, сфера их личных обязанностей совершенно отличаются по типу и по объёму от нормы предыдущих столетий. Новые религии, если они хотят по-настоящему привлечь последователей, чем они и занимаются, неизбежно должны не оглядываться на принятые стереотипы. Но это несколько не умаляет их религиозной природы.

XXXII. НА ЧТО ДОЛЖНА БЫТЬ ПОХОЖА РЕЛИГИЯ?

Религиозные верования и присущие им моральные ценности обычно вписываются в организационную структуру и установленные процедуры, и эти ценности выражаются в определённых символах. В западном обществе настолько закрепились формы христианских учреждений, что зачастую даже те, кто в остальных отношениях не подвержен их влиянию, полагают, что устройство и символы религии должны быть сходными с христианскими. Модель, в которой существует отдельное здание для отправления религиозных обрядов, стабильная паства, которую обслуживают постоянные священники, обладающие властью ходатайствовать перед Богом или давать советы, — ожидается, что для всего этого будут существовать аналоги в других религиях. Однако даже беглого взгляда должно быть достаточно, чтобы увидеть, что религия не обязана соответствовать такой модели. В основных мировых религиях проявляются различные формы организации: с одной стороны, это вера в божественную сущность духовенства, ритуалы жертвоприношений и проведение таинств при использовании обильных вспомогательных средств (таких как благовония, танцы и различные изображения), а с другой стороны — аскетизм и зависимость исключительно от молитвы и словесного выражения. Обе эти крайности можно найти в Индуизме, Буддизме и Христианстве, в то время как Ислам в своей ортодоксальной форме повсеместно более аскетичен — его более восторженные проявления встречаются только в его пограничных направлениях.

Отправление религиозных обрядов значительно отличается по форме и частоте в различных религиях. Оно несёт иной смысл и принимает иную форму в таких нетеистических системах, как Буддизм. Поскольку не существует трансцендентного божества, нет смысла в мольбах, нет места поклонению, нет необходимости в выражении зависимости, униженности и подобострастия, бесцельны восхваления — отсутствует всё то, что является частью христианских обрядов. Однако и современные христианские обряды — продукт долгого процесса эволюции. Иудео-христианская традиция на протяжении столетий претерпела значительные изменения. Требования Ветхого Завета о принесении животных в жертву мстительному Богу далеко отстоят от религиозных

практик, скажем, основного направления Протестантизма девятнадцатого века. Замена песнопений и метрических псалмов на пение популярных гимнов придала за пару столетий совершенно иной вид христианским богослужениям. На сегодня концепция антропоморфного Бога сильно потускнела в Христианстве, и с точки зрения современной теологии современные христианские богослужения, в которых изобилуют антропоморфные изображения, являются весьма анахроничными. Вряд ли удивительно, что некоторые сегодняшние деноминации, не нагруженные старыми традициями (налёт древности на которых с лёгкостью принимается за ореол святости), сократили, если не избавились совсем, от остатков антропоморфности прошлого. Даже если не учитывать такие тенденции эволюции, всё равно существует обильное разнообразие христианских деноминаций, что подтверждает тот момент, что любые стереотипные представления о том, что предполагает богослужение и религиозный обряд, не отражают многостороннее разнообразие религии в сегодняшнем мире. Так Римско-католическая церковь выработала сложную систему слуховых, визуальных и обонятельных ощущений для использования в службах. Католическая литургия, хотя и чуждается танцев и наркотиков, используемых в других религиозных традициях, обладает тщательно разработанным ритуалом, одеяниями и святынями, большим количеством символов и огромным количеством церемоний, соответствующих календарю и уровню церкви, а также обрядами посвящения для людей. В резком контрасте с Римско-католической церковью находится КвAKERСТВО, которое отрицает идею духовенства, проведения любых ритуалов (даже таких нерелигиозных ритуалов, типичных для Протестантских деноминаций, как поминальные) и использование изображений и одеяний. Протестантизм делает упор на правильность поведения мирян, отказ от освящения, будь то здания или другие места, от различных церемониальных времён литургического календаря (время Великого поста, Рождественское время, Пасхальное время и др.) и таких вспомогательных религиозных средств, как чётки и талисманы. Евангелисты отвергают идею духовенства, а квакеры, братья, христадельфиане и приверженцы Христианской науки отвергают даже оплачиваемых священников. Хотя большинство протестантских деноминаций сохраняют церемонию причастия, она часто является для них просто данью повиновения Священному писанию и не имеет никаких собственных достоинств. Таким образом, хотя в некоторых случаях различные действия имеют схожие цели, в других — как, например, при причастии — внешне сходные действия приобретают иное значение в соответствии с учением деноминации. В то время как в Христианской науке божество рассматривается как абстрактный принцип, акт поклонения — хотя он и имеет схожую цель приведения верующего в гармонию с божественным разумом — принимает совершенно иной характер, чем

практики просительного характера в тех деноминациях, которые сохраняют антропоморфный взгляд на божество.

Новые религии — а все религии когда-то были новыми — склонны к тому, чтобы выбросить за борт некоторые из традиционных практик и учреждений более старых и установившихся религий. Они ещё более склонны к этому, если возникают в период ускоренного социального и технического развития, когда жизненные модели обычных людей претерпевают радикальные изменения и когда понятия об основных институтах — семье, обществе, образовании, экономическом порядке — подвергаются изменениям. В более динамичном обществе со всё более безличными социальными отношениями, с влиянием новых средств коммуникации и более широким распространением всевозможной информации и сведений естественно ожидать увеличения разнообразия религиозного выражения. Новые религии в западном обществе вряд ли сочтут подходящими структуры церквей, которые возникли два, три, четыре или пятнадцать столетий назад. Приведу один пример: если учесть более сильную социальную, географическую и временную изменчивость сегодняшнего населения, было бы неуместно предположить, что новые религии будут организовывать свои приходы как стабильные и стационарные общины. Иные способы коммуникации превзошли церковную кафедру и печатный станок, и было бы удивительно, если бы новые религии в этой области, как и в других, не использовали этих расширенных возможностей времени, в которое они возникли. То, что они что-то делают иначе, а не по традиционному религиозному стереотипу, то, что они ищут обоснования за пределами западного общества или что они применяют новые техники ради духовного просветления, не лишает их права быть проявлениями человеческой религиозности.

XXXIII. В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учёные пришли к тому, чтобы признать современное разнообразие религий в сегодняшнем обществе, точно так же и остальным становится необходимым — если мы собираемся сохранить основные человеческие права на свободу вероисповедания — отказаться от старого стереотипа, что представляет собой религия. В многокультурном мире религия, как и другие социальные явления, может принимать многие формы. Нельзя дать определение религии, применяя понятия, взятые из какой-то одной конкретной традиции. Только более высокая степень абстракции, обобщающая каждую конкретную культуру и каждую конкретную религию, может включить в одни и те же рамки весь разброс разнообразия существующих религиозных движений. Как нельзя

позволить какому-то конкретному явлению из какой-то одной религии диктовать направление для другой религии, так же и используемые термины должны, насколько возможно, не подвергаться пагубному влиянию коннотаций конкретных культур. Именно с этой целью и в интересах предоставления равных условий для разных религий, выше (в разделе 11) был предложен список вероятных черт религии. Похоже, что только при помощи такого механизма — сознательно созданного для того, чтобы признать развивающийся характер религии и учесть в независимых категориях различные грани теории и практики, — широкое разнообразие современных религий удостоится должного внимания и рассмотрения.

БРАЙАН РОНАЛЬД УИЛСОН

28 апреля 1995

Оксфорд, Англия

БРАЙАН РОНАЛЬД УИЛСОН

Брайан Рональд Уилсон — почётный лектор по социологии в Оксфордском университете. С 1963 по 1993 год он также был членом Колледжа Всех Душ, а в 1993 году был избран почётным членом.

В течение более сорока лет он проводил исследования малочисленных религиозных движений в Британии и в других странах (в числе прочих мест — в Соединённых Штатах, Гане, Кении, Бельгии и Японии). Его работа была связана с изучением публикаций этих движений и, по мере возможности, с посещением собраний, служб и жилищ их членов, а также с критическим рассмотрением работ других исследователей в этой области.

Он имеет степень бакалавра экономических наук и степень доктора философии Лондонского университета, а также степень магистра гуманитарных наук Оксфордского университета. В 1984 году Оксфордский университет признал ценность его опубликованной работы и присудил ему степень доктора литературы. В 1992 году Католический университет Лувена в Бельгии присудил ему степень почётного доктора. В 1994 году он был избран членом Британской академии.

В разное время у него были следующие дополнительные назначения:

Член Фонда Содружества (фонд Харкнесса) при Калифорнийском университете, Беркли, Соединённые Штаты, 1957–1958 годы;

Приглашённый профессор, университет Ганы, 1964 год;

Член американского совета научных обществ при Калифорнийском университете, Беркли, Соединённые Штаты, 1966–1967 годы;

Консультант — исследователь социологии университета Падуи, Италия, 1968–1972 годы;

Приглашённый член японского общества, 1975 год;

Приглашённый профессор, Католический университет Лувена, Бельгия, 1976, 1982, 1986, 1993 годы;

Приглашённый профессор по программе фонда Снайдера, университет Торонто, Канада, 1978 год;

Приглашённый профессор по социологии религии и консультант по религиоведению в университете Махидол, Бангкок, Таиланд, 1980–1981 годы;

Приглашённый член, Ормонд-колледж Университета Мельбурна, Австралия, 1981 год;

Приглашённый профессор, Квинслендский университет, Австралия, 1986 год;

Почётный приглашённый профессор, Калифорнийский университет, Санта-Барбара, Калифорния, Соединённые Штаты, 1987 год;

С 1971 по 1975 он был председателем Международной конференции по изучению социологии религии (всемирная организация, объединяющая специалистов этой области знаний). В 1991 году был избран Почётным президентом этой организации, которая тогда была переименована в Международное общество по изучению социологии религии;

Член совета Общества религиоведения (США) 1977–1979 годы;

В течение нескольких лет европейский помощник редактора «Журнала религиоведения»;

В течение шести лет соредактор «Ежегодного обзора социологии религии».

Он читал лекции о малочисленных религиозных движениях главным образом в Великобритании, Австралии, Бельгии, Канаде, Японии и Соединённых Штатах, а иногда также в Германии, Финляндии, Франции, Нидерландах, Норвегии и Швеции.

Его приглашали в качестве свидетеля-эксперта по сектам в суды Великобритании, Нидерландов, Новой Зеландии и Южной Африки, и он представлял свидетельства в отношении письменных показаний под присягой для судов в Австралии и Франции. К нему также

обращались с просьбой о составлении письменного экспертного заключения по религиозным движениям для парламентского комитета внутренних дел Палаты общин.

Помимо других работ он опубликовал девять книг, посвящённых полностью или частично религиозным меньшинствам:

Sects and Society: the Sociology of Three Religious Groups in Britain, London: Heinemann and Berkeley: University of California Press; Westport, Conn., United States; Greenwood Press, 1978;

Patterns of Sectarianism (под редакцией Б.Р. Уилсона), London: Heinemann, 1967;

Religious Sects, London: Weidenfeld and Nicholson; New York: McGraw Hill, 1970 (также опубликована на французском, немецком, испанском, шведском и японском);

Magic and the Millennium, London: Heinemann, and New York: Harper and Row, 1973;

Contemporary Transformations of Religion, London: Oxford University Press, 1976 (также опубликована на итальянском и японском);

The Social Impact of the New Religious Movements (под редакцией Б.Р. Уилсона), New York: Rose of Sharon Press, 1981;

Religion in Sociological Perspective, Oxford: Clarendon Press, 1982 (также опубликована на итальянском; готовится перевод на японский);

The Social Dimensions of Sectarianism, Oxford: Clarendon Press, 1990;

A Time to Chant: the Soka Gakkai Buddhists in Britain (совместно с К. Доббеллаере), Oxford: Clarendon Press, 1994 (готовится перевод на японский).

Он также принял участие в редактировании более двадцати пяти статей по религиозным меньшинствам, изданных в научных журналах Великобритании, США, Франции, Бельгии, Нидерландах и Японии. Его статьи есть в «Британике», в «Энциклопедии социальных наук» и в «Энциклопедии религии»; в настоящий момент готовит работу по заказу «Итальяны».

